

ХАНС РУСЕНФЕЛЬДТ
МИКАЭЛЬ ЮРТ

МОГИЛА В ГОРАХ

МНОГОПЛАНОВЫЙ, ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ РОМАН,
КОТОРЫЙ НАПОМИНАЕТ ТРИЛОГИЮ

СТИГА ЛАРССОНА

SUNDAY TIMES

18+

Себастиан Бергман

Ханс Русенфельдт

Могила в горах

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Русенфельдт Х.

Могила в горах / Х. Русенфельдт — «Издательство АСТ»,
2012 — (Себастиан Бергман)

ISBN 978-5-17-102674-5

Заблудившиеся туристки обнаруживают в горах массовое захоронение: шесть скелетов, четверо взрослых и двое детей. Кто они? Почему их убили? И какое отношение к ним имеет Хамид – иммигрант, пропавший много лет назад? Медленно, крошечными шажками шведские полицейские приближаются к разгадке. Правда, блистательного криминального психолога Себастиана Бергмана больше интересуют личные проблемы, но ему еще предстоит сыграть свою роль в этом деле...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-102674-5

© Русенфельдт Х., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	66
-----------------------------------	----

Ханс Русенфельдт, Микаэль Юрт

Могила в горах

Michael Hjorth
Hans Rosenfeldt
Fjällgraven

© Michael Hjorth & Hans Rosenfeldt, 2012
© Савицкая А., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

2003 год

В этот раз ее звали Патриция.

Патриция Велтон.

Новые города. Новое имя.

Поначалу, давным-давно, это было самым трудным – отзываться, когда ее окликали администраторы гостиниц или шоферы такси.

Но так было тогда. Теперь же она свыкалась с именем, значившимся на новых документах, как только их получала. В этой поездке по имени к ней обратился пока только один человек. Владелец фирмы проката автомобилей в Эстерсунде – когда он вышел и сообщил ей, что заказанная ею машина вымыта и готова к использованию.

Самолет приземлился по расписанию, в начале шестого, в среду, и она, сев на поезд «Арланда-экспресс», доехала до центра Стокгольма. В шведской столице она оказалась впервые, но ограничила свой визит ранним и довольно унылым ужином в расположенном поблизости ресторане.

Около двадцати одного часа она села в ночной поезд, которому предстояло довезти ее до города Эстерсунд. Она заранее забронировала себе отдельное купе. Не потому, что думала, что кто-нибудь ее когда-нибудь поймает, – сколько бы людей ни сообщили полиции и властям ее приметы, – она просто не любила спать рядом с другими, незнакомыми людьми. Никогда так не делала.

Ни в молодости, выезжая на турниры с волейбольной командой.

Ни в студенческие годы, будь то на базах или в палатках.

Ни во время выполнения заданий.

Когда поезд отъехал от вокзала, она пошла в буфет, купила маленькую бутылочку белого вина и пакетик арахиса и уселась у себя в купе читать новую книгу «Я знаю, что ты на самом деле думаешь» с несколько необычным подзаголовком: «Как читать язык жестов не хуже судебного адвоката». Женщина, именовавшаяся в данный момент Патрицией Велтон, не знала, обладают ли судебные адвокаты особыми способностями в толковании языка жестов, – ей, во всяком случае, не доводилось сталкиваться с кем-либо, кто отличался бы подобным талантом. Но книга была если и не поучительной, то, по крайней мере, коротенькой и развлекательной. В начале второго ночи Патриция улеглась в чистую постель и погасила свет.

Пятью часами позже она сошла в Эстерсунде, узнала адрес ближайшей гостиницы и обстоятельно позавтракала там, прежде чем отправиться в салон, где заказала автомобиль. Там ее попросили немного подождать и предложили выпить кофе из автомата, пока проверят и вычистят машину – новую серую «Тойота Авенсис».

Преодолев примерно сто километров, женщина прибыла в Оре. Всю дорогу она соблюдала ограничения скорости. Нарываться на штрафы не стоило, хотя, по сути дела, это ничего бы не изменило. Насколько она поняла, шведские полицейские не имели привычки и, возможно, даже полномочий при мелких правонарушениях обыскивать машину и багаж, а единственное, что могло поставить задание под угрозу, – это обнаружение пистолета. Документов на право носить в Швеции оружие у нее не было. Стоило им найти у нее пистолет «Беретта М9», как они начали бы докапываться до его происхождения, и выяснилось бы, что Патриция Велтон нигде не значится и существует исключительно здесь и сейчас. Поэтому она сбавляла скорость, проезжая мимо зеленых склонов, где зимой катались на лыжах, и на въезде в небольшое селение, расположенное неподалеку от озера.

Немного прогулявшись, она выбрала наобум место для ланча и заказала панини и бутылку колы лайт. За едой она рассматривала карту. Ей предстояло проехать еще чуть более пятидесяти километров по шоссе Е14, затем свернуть и оставить машину, после чего оставалось пробежать около двадцати километров. Она посмотрела на часы. Если считать, что на месте она будет через три часа, еще час потребуется, чтобы все прибрать, два, чтобы добраться до машины, отчитаться... Она окажется в Тронхейме вовремя, чтобы улететь в Осло и вернуться домой в пятницу.

После еще одной прогулки по горнолыжному курорту Оре она села в машину и продолжила путь на запад. Хотя работа забрасывала ее в самые разные места, соприкоснуться с таким пейзажем ей еще не доводилось. Мягкие изгибы гор, четко очерченная граница леса, солнечные блики на воде в конце ведущей вниз долины. Женщина чувствовала, что здесь ей бы понравилось. Пустынно, тихо, чистый воздух. Ей хотелось бы снять здесь уединенный домик и совершать долгие прогулки. Рыбачить. Летом наслаждаться светом, а осенью читать по вечерам возле костра.

Возможно, в другой раз.

Вероятно, никогда.

Когда появился указатель поворота налево, на Рундхёген, она свернула с шоссе Е14. Вскоре после этого оставила взятую напрокат машину, взяла рюкзак, достала карту горного района и побежала.

Через 122 минуты она остановилась. Слегка запыхавшись, но не устав. Бежала она далеко не в полную силу. Она присела на горном склоне, выпила воды, дыхание тем временем быстро выравнилось. Затем достала бинокль и посмотрела в сторону расположенного метрах в трехстах от нее маленького деревянного домика. Она в нужном месте. Все выглядело в точности как на снимке, полученном ею от информатора.

Если она правильно понимала ситуацию, сегодня никому бы не позволили строить дом у подножия горы, там, где располагался этот деревянный домишко, но его, как ей сообщили, соорудили в тридцатых годах. Какому-то директору с хорошими связями при дворе, видимо, требовалось место для обогрева, когда он тут охотился. Да и, честно говоря, назвать это домом было нельзя, даже домишком – и то с трудом. Какую он может занимать площадь? Восемнадцать квадратных метров? Двадцать? Бревенчатые стены, маленькие окошки, из покрытой толем крыши торчит маленькая труба. К входной двери ведут две ступеньки, а метрах в десяти стоит небольшой разделенный надвое сарай. С правой стороны – дверь, очевидно, в туалет. Слева – пустой проем: судя по всему, в той части хранили дрова, поскольку возле входа лежала колода.

За зеленой москитной сеткой что-то шевельнулось. Он там.

Она отложила бинокль, снова сунула руку в рюкзак, достала «Беретту» и быстрыми, привычными движениями прикрутила глушитель. Затем встала, убрала оружие в специальный карман на куртке, снова надела рюкзак и двинулась вперед. Время от времени она оглядывалась назад, но никакого движения нигде не замечала. Домик располагался чуть в стороне от

туристской тропы, да и в конце октября путешественники в этих местах не толпились. После того как она оставила машину, ей встретились только двое.

Когда пройти оставалось не более пятидесяти метров, она вытащила пистолет из кармана и прижала его к бедру. Стала взвешивать варианты: постучать и выстрелить, когда он откроет, или положиться на то, что дверь не заперта, и ворваться неожиданно. Она остановилась на первом варианте, но тут дверь дома открылась. Женщина на секунду оцепенела, но затем молниеносно присела на корточки. На маленькую лестницу вышел мужчина лет сорока. Местность открытая. Спрятаться негде. Лучше всего сидеть неподвижно. Движение может привлечь его внимание. Она крепче сжала пистолет. Если он ее увидит, она сумеет вскочить и выстрелить в него, прежде чем он успеет убежать. Чуть более сорока метров. Она наверняка попадет, вероятно, убьет его, но ей хотелось, чтобы события разворачивались несколько иначе. Если он будет только ранен, то сможет забраться обратно в дом. Не исключено, у него там есть оружие. Стоит ей себя обнаружить, и все многократно усложнится.

Но он ее не заметил. Закрыл дверь, спустился на две ступеньки, повернул направо и пошел к сараю. Она увидела, как он взял торчащий из колоды топор и принялся колоть дрова.

Она медленно поднялась и сдвинулась немного вправо, чтобы дом заслонил ее на случай, если мужчина, сделав перерыв в работе, распрямит спину и примется любоваться пейзажем.

Топор. Может ли он создать проблемы? Наверное, нет. Если все пойдет по плану, мужчина не успеет воспринять ее как угрозу и уж тем более наброситься на нее с этим оружием для ведения ближнего боя.

Она остановилась возле дома, выдохнула, дала себе несколько секунд, чтобы сосредоточиться, а затем вышла из-за угла.

Увидев ее, мужчина, казалось, был ошеломлен. Он начал что-то говорить, женщине показалось, что он пытался выяснить, кто она такая, возможно, что она делает здесь, в горах Йе́мт-ланда¹, и не может ли он ей чем-нибудь помочь.

Это не имело никакого значения.

Шведского языка она не знала, и ответа ему все равно было не получить.

Пистолет с глушителем один раз кашлянул.

Мужчина резко замер и замолк, будто кто-то нажал на паузу в фильме. Потом топор выскользнул у него из рук, колени согнулись влево, тело упало направо. При ударе его восьмидесяти килограммов о землю раздался глухой хлопок. Когда мужчина растянулся на боку, будто кто-то кое-как уложил его в восстановительное положение, он был уже мертв. Пуля пробила сердце.

Женщина подошла вплотную к телу, встала над ним, широко расставив ноги, и спокойно прицелилась мужчине в голову. Выстрел в висок, в трех сантиметрах от левого уха. Она знала, что он мертв, но все-таки выпустила еще одну пулю ему в голову, в сантиметре от первой.

Засунув пистолет в карман, она задумалась над тем, следует ли ей сделать что-нибудь с кровью на земле или просто предоставить заниматься ею природе. Даже если кто-нибудь хватится убитого мужчину – а она знала, что его хватятся, – и приедет искать его к маленькому домику в горах, тело все равно найти не удастся. Кровь покажет, что с ним произошла какая-то беда, и все. Даже если они заподозрят худшее, их подозрения никогда не подтвердятся. Этот человек исчезнет навсегда.

– Папа?

Резко обернувшись, женщина снова выхватила пистолет. В голове у нее промелькнула одна-единственная мысль.

Дети. Никаких детей здесь быть не должно.

¹ Йе́мтланд – провинция в северной части средней Швеции (*Здесь и далее примеч. пер.*).

Его слегка потряхивало. Плечи и голову. Странно, поскольку эти движения не вязались у него со сном. А вообще, сон ли это? Во всяком случае, не обычный. Он не сжимает в руке маленькую ручку. Никакого неумолимо приближающегося грохота. Никакой поднимающейся сумятицы. Однако он, вероятно, все-таки пребывает во сне, поскольку кто-то произносит его имя.

Себастиан.

Но если ему это снится, в чем он был далеко не уверен, то в этом сне он, во всяком случае, один. Один в полной темноте.

Он открыл глаза. И увидел перед собой другие. Голубые. Над ними черные волосы. Коротко стриженные. Взлохмаченные. Под глазами прямой маленький нос и улыбающийся рот.

– Доброе утро. Прости, но мне хотелось перед уходом тебя разбудить.

Себастиан с некоторым трудом приподнялся на локтях. Женщина, разбудившая его и, похоже, удовлетворенная результатом своих усилий, подошла к изножью кровати, остановилась перед большим зеркалом и принялась надевать сережки, лежавшие на полочке рядом с зеркалом.

Сон как рукой сняло. Ему на смену пришли воспоминания о вчерашнем дне.

Гунилла, сорок семь лет, медсестра. Они виделись несколько раз в Каролинской больнице. Вчера он нанес туда последний визит, после чего они вместе отправились в город и к ней домой. На удивление отличный секс.

– Ты уже на ногах.

Он осознал, что констатирует очевидное, но создававшаяся ситуация вызывала у него ощущение некоторой неловкости – он по-прежнему лежит нагишом в чужой постели, а женщина, с которой он провел часть ночи, стоит одетая и готовая начинать новый день. Как правило, первым вставал он. Желательно и чаще всего, не будя случайную партнершу. Так ему нравилось больше. Чем меньше приходится с ними разговаривать перед уходом, тем лучше.

– Мне надо идти на работу, – оповестила она, бросив на него в зеркало беглый взгляд.

– Как? Прямо сейчас?

– Да. Сейчас. Я уже слегка опаздываю.

Себастиан наклонился вправо и взял с ночного столика свои часы. Почти половина девятого. Гунилла закончила с сережками и застегнула на шее узкую серебряную цепочку. Себастиан посмотрел на нее с недоверием. Сорок семь лет, живет в центре Стокгольма. Нельзя же быть такой наивной и доверчивой.

– Ты в своем уме? – спросил Себастиан, подтягиваясь повыше. – Ты познакомилась со мной вчера. Я же могу вынести полквартиры.

Гунилла встретила с ним в зеркале взглядом. На ее губах играла улыбка.

– Ты собираешься вынести полквартиры?

– Нет. Но я ответил бы так же, даже если бы собирался.

Надев украшения и бросив заключительный взгляд в зеркало, Гунилла вновь подошла к нему. Она присела на край кровати и положила руку ему на грудь.

– Познакомилась я с тобой не вчера. Вчера я пошла с тобой в ресторан. Но на работе у меня есть все твои данные. Так что, если ты прихватишь телевизор, я знаю, где тебя искать...

На мгновение у Себастиана мелькнула мысль об Эллинор, но он отогнал ее. Все равно вскоре придется уделить Эллинор довольно много времени и энергии. Но не сейчас. Гунилла опять улыбнулась ему. Она шутит. Себастиану это запомнилось по вчерашнему дню.

Она часто улыбается.

Очень смешлива.

Вечер получился приятным.

Гунилла так быстро наклонилась и поцеловала его в губы, что он даже не успел среагировать. Она встала.

– Вероятно, Юкке придется за тобой присматривать, – проговорила она, направляясь к закрытой двери спальни.

– Юкке? – Себастиан поискал в памяти какого-нибудь связанного с ней Юкке. Но безрезультатно.

– Юаким. Мой сын. Если хочешь, можешь позавтракать вместе с ним, он уже встал.

Себастиан смотрел на нее, не в силах произнести ни слова. Неужели она это всерьез? Сын? По-прежнему в квартире? Сколько ему лет? Сколько времени он тут пробыл? Всю ночь? Себастиану помнилось, что они особенно не скрытничали.

– Но теперь мне действительно надо идти. Спасибо за вчера.

– Это тебе спасибо, – выдавил из себя Себастиан, прежде чем Гунилла покинула спальню и закрыла за собой дверь.

Он соскользнул обратно в постель и опустил голову на подушки. Услышал, как она с кем-то прощается – вероятно, с сыном – затем, как закрылась еще одна дверь. В квартире стало тихо.

Себастиан потянулся.

Не больно.

В последние недели боли он уже не испытывал, но по-прежнему с радостью отмечал, что может шевелиться без мучений.

Чуть более двух месяцев назад на него напали с ножом. Ранили в ногу и живот. Напал Эдвард Хинде, психопат и серийный убийца. Себастиана незамедлительно прооперировали, и казалось, все идет хорошо, даже очень, но потом возникли осложнения. Чуть больше недели в его проколоте легочном мешочке стоял дренаж. Когда его удалили, Себастиану сообщили, что выздоровление теперь – вопрос времени. Но тут приключилось воспаление легких, а после него образование жидкости. Ему снова прокололи дырку. Высосали и зашили. Выдали инструкции и домашние задания. Слишком много, слишком неприятные и скучные. Возможно, из-за воспаления легких. Возможно, ему бы их выдали в любом случае. Теперь он, по крайней мере, поправился. И со вчерашнего дня официально объявлен здоровым.

С телом у него было все в порядке, но его мысли постоянно возвращались к делу Хинде.

Отчасти потому, что Хинде отомстил ему, распорядившись убить нескольких женщин, с которыми Себастиан вступал в сексуальные отношения. Сам он убивать, разумеется, не мог, поскольку с 1996 года, когда Себастиан способствовал его поимке, сидел в спецкорпусе психиатрической больницы «Лёвхага». Однако ему все-таки удалось с помощью уборщика спецкорпуса осуществить часть своей мести.

Убито четыре женщины.

Их объединяло только одно: Себастиан Бергман.

Ощущение, что он виноват в смерти четырех женщин, было иррациональным, но тем не менее Себастиан не мог полностью от него отделаться. Когда Госкомиссия по расследованию убийств арестовала уборщика, Хинде бежал из заключения и похитил Ванью Литнер.

Неслучайно. Не потому, что она работала вместе с Себастианом в Госкомиссии. Нет, Хинде каким-то образом понял, что Ванья – дочь Себастиана.

Эдвард Хинде мертв, но иногда Себастиану приходила в голову мысль, что если Эдвард сумел выведать правду, то возможно, это сумеют сделать и другие. Ему этого не хотелось. У них с Ваньей сейчас были хорошие отношения. Лучше, чем когда-либо.

В том заброшенном доме, куда ее притащил Хинде, Себастиан спас ей жизнь. Это, естественно, сыграло свою роль. Себастиану было наплевать, терпит ли она его из благодарности. Главное, что терпит. Даже более того: за последние два месяца она дважды искала его общества. Сперва она навестила его в больнице, и потом, когда его выписали домой, но еще до того, как воспаление легких приковало его к постели, она предложила ему сходить выпить кофе.

Себастиан до сих пор помнил ощущение, когда он услышал ее вопрос.

Его дочь позвонила и захотела с ним встретиться.

Он почти не помнил, о чем они разговаривали. Ему хотелось сохранить в памяти каждую деталь, каждый нюанс, но мгновение было ошеломляющим. Ситуация слишком значимой. Они просидели в кафе полтора часа. Один на один. По ее желанию. Никаких жестоких слов. Никакой борьбы. Таким живым и увлеченным чем-нибудь он не чувствовал себя со второго дня Рождества 2004 года. Он раз за разом возвращался к проведенным вместе с ней девяноста минутам.

Их может стать больше. Будет больше. Он сможет снова начать работать. Хочет снова работать. Он даже ловил себя на том, что тоскует. По всему вместе, конечно, но главное для него – иметь возможность находиться поблизости от Ваньи. Он смирился с мыслью, что никогда не станет ей отцом. Любая попытка отобрать эту роль у Вальдемара Литнера закончится тем, что Себастиан все разрушит. Пока ему удалось выстроить не слишком многое. Одно посещение больницы и девяносто минут в кафе, но это уже что-то.

Принятие.

Определенная забота.

Возможно, даже начинающаяся дружба.

Себастиан откинул одеяло и встал. Отыскал на полу свои трусы, а остальную одежду на стуле, куда бросил ее девятью часами раньше. Взглянув напоследок в зеркало и проведя рукой по волосам, он открыл дверь спальни и пробрался в гостиную. Там он на минуту остановился в дверях. Из кухни в конце квартиры доносились звуки. Музыка. Позвякивание ложки о посуду. Юкке явно завтракал без него. Себастиан дошел до туалета, проскользнул туда и запер за собой дверь. Он мечтал принять душ, но мысль о том, что он снова разденется донага, находясь через стенку от сына Гуниллы, вынудила его отказаться от этой затеи. Он спустил воду, вымыл руки, умылся и вышел обратно в коридор.

Направляясь к входной двери, он понял, что придется пройти мимо кухни. Именно так он и намеревался поступить: просто пройти мимо. Если сидящий там сын посмотрит в его сторону, то увидит спину. Миновав кухню, Себастиан вышел в прихожую. Нашел свои ботинки, надел их и начал оглядывать крючки на стене в поисках куртки. Но не увидел ее.

– Ваша куртка здесь, – донесся из кухни низкий голос.

Себастиан закрыл глаза и выругался про себя. Конечно. Накануне он снял ботинки, но остался в куртке. Хотел сделать вид, будто немного торопится и, возможно, не успеет у нее задержаться, хотя они оба знали, что именно это он и намерен сделать. Куртку он снял на кухне, пока она открывала бутылку вина.

Себастиан глубоко вздохнул и зашел на кухню. За столом сидел молодой человек лет двадцати, как подумалось Себастиану. Перед ним стояла миска йогурта, рядом лежала электронная книжка. Не отрывая взгляда от книжки, он кивнул на стул по другую сторону стола.

– Там.

Себастиан подошел и снял куртку со спинки стула.

– Спасибо.

– Кстати, вы чего-нибудь хотите?

– Нет.

– Уже получили то, за чем приходили?

Молодой человек по-прежнему не отрывался от лежавшей перед ним книжки. Себастиан посмотрел на него. Наиболее простым для них обоих, вероятно, было бы оставить последний вопрос без комментариев, просто развернуться и уйти, но зачем упрощать?

– У тебя есть кофе? – поинтересовался Себастиан, натягивая куртку. Если сын Гуниллы не хочет, чтобы он тут находился, то он, пожалуй, ненадолго задержится. С него не убудет.

Молодой человек за столом с удивлением оторвал взгляд от книжки.

– Там, – сказал он, кивнув в сторону Себастиана, который истолковал это так, что кофе находится позади него.

Он обернулся. Поначалу ничего не увидел – ни кофеварки, ни кофейника или термоса, или что там ожидалось, что он должен увидеть. Затем его взгляд упал на какой-то черный предмет полукруглой формы, больше всего напоминавший футуристический велосипедный шлем, но с решеткой под чем-то вроде крана. По бокам кнопки. Еще нечто металлическое на верхушке. Рядом стояли три маленькие стеклянные чашки, поэтому Себастиан предположил, что предмет поставляет какой-то напиток.

– Вы знаете, как это работает? – спросил сын, когда Себастиан двинулся в сторону агрегата.

– Нет.

Юкке отодвинул стул и мимо Себастиана подошел к столу возле мойки.

– Что вы хотите?

– Чего-нибудь крепкого. Вечер вчера выдался длинный.

Бросив на него усталый взгляд, Юкке взял какую-то капсулу с полочки рядом с агрегатом, которую Себастиан даже не заметил, открыл верхушку кофеварки, опустил туда капсулу, снова закрыл крышку и поставил стеклянную чашку на решетку, нажав другой рукой на одну из кнопок сбоку.

– Ну вот. А кто вы такой? – спросил он, глядя на Себастиана без всякого интереса.

– Твой новый папа.

– Да вы шутник. Ей стоило бы к вам присмотреться.

Он развернулся и направился обратно к столу. У Себастиана внезапно возникло ощущение, что Юкке частенько доводится по утрам общаться у себя на кухне с незнакомыми мужчинами. Он молча взял чашку с решетки. Кофе действительно оказался крепким. И горячим. Себастиан обжег язык, но все-таки допил кофе, продолжая хранить молчание.

Двумя минутами позже он вышел навстречу серому сентябрьскому утру.

На улице ему потребовалось несколько секунд, чтобы сориентироваться и сообразить, как быстрее добраться до дома. До квартиры на Грев-Магнигатан.

До Эллинор Бергквист.

До его квартирантки, или как бы ее точнее назвать. Как она стала таковой, как угодила к нему в дом, по-прежнему оставалось для Себастиана загадкой.

Они повстречались как раз в то время, когда Хинде начал убивать его бывших партнерш. Себастиан зашел к Эллинор, чтобы предупредить ее, а в результате та переехала к нему домой. Ему следовало сразу вышвырнуть ее. Но она все-таки осталась.

Себастиан посвятил много времени попыткам разобраться в своих отношениях с Эллинор. Кое-что он уже знал точно.

Он ее определенно не любит.

Нравится ли она ему? Нет, нельзя сказать даже этого. Правда, он в каком-то смысле ценил то, что она, непрошенно вселившись к нему, сделала с его жизнью. Она ее в некотором роде упорядочила. Вопреки всему он ловил себя на мысли, что ему приятно в ее обществе. Они вместе готовили еду. Смотрели, лежа в постели, телевизор. Занимались любовью. Часто. Эллинор свистела. Хихикала. Когда он приходил домой, говорила, что скучала по нему. Ему даже не хотелось признаваться в этом себе, поскольку на самом деле не хотелось, чтобы это было правдой, уж точно не с Эллинор, но благодаря ее присутствию он впервые за много лет начал думать о своей квартире как о доме.

Дом.

Неблагополучный, но все-таки дом.

Использует ли он ее? Безусловно. На самом деле ему на нее глубоко наплевать. Все, что она говорит, влетает ему в одно ухо и вылетает через другое. Она подобна шумовым эффектам. Но в период выздоровления она оказалась очень кстати. Честно говоря, он не представлял себе, как справился бы без нее в те недели, когда воспаление легких приковало его к постели. Она не бросила его, взяла у себя в универмаге отпуск за свой счет. Но как бы благодарен он ей ни был, этого ему было недостаточно.

Эллинор – восхищающаяся им, готовая ко всему, вплоть до самоуничтожения, не вполне здоровая домашняя помощница, с которой он занимается сексом. Несмотря на то что его жизнь стала проще и во всех отношениях удобнее, долго так продолжаться не может. Обыденность и будничность, которые она привнесла с собой, были просто некой конструкцией. Химерой. Какое-то время он это ценил, даже поощрял, но теперь был уверен в том, что больше не хочет ей подыгрывать.

Он снова здоров, он начал потихоньку сближаться с Ваньей, у него, вероятно, будет работа. Начало чего-то, что может стать жизнью.

Эллинор ему больше не нужна.

Ее надо выставить.

Без проблем не обойдется – это он знал.

Шибек Хан ждала. Как обычно. Она сидела возле кухонного окна на третьем этаже обветшалого дома, построенного в районе Ринкебю в рамках «Миллионной программы»². Листья деревьев за окном уже начали желтеть и краснеть. На открытых пространствах между домами галдели детсадовские ребятишки. Шибек не могла припомнить, сколько лет она уже сидит тут и смотрит, как играют дети. То же окно, та же квартира, новые дети. За окном время летит очень быстро. На кухне же кажется, будто оно остановилось.

Она очень любила часы после ухода сыновей, когда день еще не набрал силу. Она вела активную жизнь: имела много друзей, работала санитаркой, изучала шведский на курсах высшей ступени, а в прошлом году поступила учиться на младшую медсестру. Но в свободные дни она по нескольку часов сидела утром, наблюдая за жизнью за окном. В каком-то смысле это было ее другой жизнью. Временем, отведенным для того, чтобы показать уважение и любовь к Хамиду.

Она знала, что если пересчитать годы в обратном порядке, получится точное количество лет, проведенных у окна. Но сейчас у нее не было на это сил. Не было сил вспоминать. Самым наглядным признаком пролетевшего времени являлись сыновья. Мехран уже заканчивает среднюю школу. Эйер продирается через седьмой класс – учеба дается ему не так легко, как старшему брату. Когда Хамид исчез, Эйеру было четыре, а Мехрану как раз исполнилось шесть. Шибек помнила его улыбку, когда отец подарил ему новенький ранец, черный с двумя голубыми полосками, с которым ему предстояло осенью впервые пойти в школу. Его радостные темные глаза, сверкающие гордостью за то, что он становится взрослым. Объятия отца и сына. Неделий позже Хамид исчез. Как сквозь землю провалился. Это был четверг. Четверг, очень давно.

Как ни странно, чем дальше шло время, тем больше она тосковала по нему. Не так остро, как поначалу, но более... горестно, более болезненно.

Внезапно Шибек разозлилась на себя. Она опять предается воспоминаниям. А ведь они-то и лишают ее сил. Но мысли не обращали внимания на ее желания. Они с легкостью ускользали от ее попыток их контролировать и устремлялись в прошлое. К друзьям, приходившим и помогавшим в поисках. К вопросам и плачу детей. К выходному костюму Хамида, который она

² Программа жилищной застройки, действовавшая в Швеции в 1965–1975 гг. и предполагавшая строительство за десять лет миллиона квартир.

забрала из химчистки и который потом его понапрасну дожидался. Карусель картинок и мгновений, движимая надеждой, что мысли отыщут что-то упущенное ранее, нечто, способное все прояснить. Однако ее всегда ждало разочарование. Все детали уже тысячи раз рассмотрены, все лица ей уже знакомы. Бесполезно.

Чтобы отделаться от бесплодных раздумий, Шибека встала и подошла к окну. Сегодня пятница, и она знает, что он скоро придет. После сегодняшнего будет два дня, как он вообще не появлялся в их доме. Она уже не верила, что ей что-нибудь придет, ей уже давно перестали отвечать, но она отказывалась сдаваться. Продолжала писать, шлифовала свой шведский, почерк и лексику официального языка. У нее стало так хорошо получаться писать письма властям, что многие друзья теперь обращались к ней за помощью.

И тут она увидела его. Почтальон! Он, как обычно, прикатил на велосипеде по пешеходной дорожке и начал обход с подъезда номер два, потом четыре, шесть, и дальше он должен войти в восьмой. В ее подъезд.

Она дождалась, пока он выйдет из шестого, а потом осторожно прокралась в прихожую. Старалась двигаться как можно тише, не потому, что в этом была необходимость, а просто надеялась, что тишина каким-то образом повысит шансы.

До сих пор это не помогало.

Встав у двери, она прислушалась. Через несколько секунд послышался глухой металлический щелчок открывшейся внизу входной двери. Шибека внутренним зрением увидела, как почтальон подходит к лифту и нажимает кнопку вызова. Он всегда поднимается на самый верх, а потом спускается вниз, этаж за этажом. Таков у него заведенный порядок. А у нее – молча стоять в прихожей.

Она плотнее прижалась к двери и прислушалась. Два типа звуков. Один – снаружи, вдалеке. Второй – близко, ее собственное дыхание и жужжание холодильника на кухне. Два разных мира, разделенных деревянной дверью и стальной щелью для писем. Шаги снаружи приближались, и Шибека еще плотнее прижалась к двери. Такие мгновения содержали в себе нечто религиозное.

Аллаху будет угодно или же нет.

Все просто.

Щель для писем приоткрылась и захлопнулась с почти оглушительным, как показалось Шибеке, хлопком. На пол перед ней упало несколько красочных рекламных брошюр. Когда Шибека сосредоточенно склонилась к тому, что лежало на коврике у двери, звуки и мир снаружи исчезли. Под недельными предложениями продовольственного магазина лежал белый конверт.

С телевидения.

На этот раз Аллаху было угодно.

Она не виновата.

Или виновата, конечно, но она просто ошиблась. Ошибку ведь может совершить кто угодно. Мария разозлилась неоправданно. Разумеется, она устала, а кто не устал? Ведь она же повела их в обход не нарочно.

По ошибке.

А еще несколько часов назад все было так хорошо. Невзирая на дождь.

В июле Марии исполнилось пятьдесят. Карин преподнесла ей в подарок турпоход по горам, по Йемтландскому треугольнику.

Стурульвон – Блохаммарен – Сюларна, что означало «Река большого волка» – «Синий молот» – «Шпалы».

Она считала, что уже одни эти названия придавали путешествию особый шарм. Они звучали экзотично. Идея заключалась в том, что они пойдут в горы, но легко преодолимые.

Никаких испытаний. Доступные ежедневные переходы, а затем, по достижении очередной турбазы, – душ, сауна, еда, вино и настоящая постель. Карин много лет назад ходила по этим местам с Фредриком и считала, что маршрут идеален. Оздоровительное общение с природой плюс немного роскоши.

Масса времени для разговоров.

Отличный подарок. И дорогой. Включая поездку туда, четыре ночевки и ужины для них обоих, он обошелся в пятизначную сумму, но Мария того стоила. Она – лучшая подруга Карин уже на протяжении многих лет. Она всегда была рядом, когда другие несколько отдалялись. Рак груди, развод, смерть матери – через все это они прошли вместе. Разумеется, веселого тоже было много, но по горам они еще вместе не ходили. Мария вообще не бывала севернее Карлстада. Так что самое время.

Карин выбрала последние выходные, когда еще работали горные турбазы. Конец сентября. Отчасти, чтобы избежать относительной толкотни, присущей лету, и чтобы у Марии было немного времени для планирования и получения отпуска на работе, но также и в надежде, что осень уже успеет вступить в свои права, и им достанутся прозрачный, чистый воздух и яркая игра красок природы. Что горы покажут себя любимой подруге с лучшей стороны.

Мысль, что, когда они сойдут с поезда в Энафорсе, может лить проливной дождь, даже не приходила ей в голову.

Однако так и случилось.

– Говорят, что в начале следующей недели будет лучше, – ответил на вопрос о погоде шофер автобуса, ожидавший их, чтобы отвезти на турбазу в Стурульвон.

– Значит, все выходные будет лить дождь?

В голосе Марии послышалось некоторое отчаяние.

– Да, говорят, что да, – утвердительно кивнул шофер.

– В горах все может быстро меняться, – ободряюще сказала Карин, когда они садились в автобус. – Вот увидишь, все будет хорошо.

И начиналось все действительно очень хорошо. Они приехали на турбазу, получили комнату, простую, но уютную, прогулялись по ближайшим окрестностям, немного вздремнули после обеда, посидели в сауне и искупались в холодном источнике, а вечером вкусно поели в ресторане турбазы. Позволили себе выпить вина, а потом дополнили кофе ликером.

Сегодня утром они встали в семь часов. После завтрака каждая приготовила себе перекус для ланча и наполнила термос кофе. Около половины девятого они отправились в путь. Небеса разверзлись, но для них это особого значения не имело – у обеих были хорошая непромокаемая одежда, сапоги и теплая одежда на смену.

Они пересекли реку Стурульвон и двинулись по густо заросшей долине, которая, согласно карте с турбазы, называлась Парком. Они не спешили. Разговаривали, останавливались, чтобы пофотографировать или просто понаслаждаться окрестностями. Между Стурульвон и их следующим пристанищем – Блохаммарен – было всего двенадцать километров. Через три километра они покинули березовую рощу и продолжили путь по плато вверх, к месту привала. Придя туда, они уже почти забыли о дожде. Поскольку после отдыха их ждал долгий подъем, они посидели подольше и, не торопясь, съели свою еду и выпили кофе. Они сошлись на том, что еще будут впоследствии вспоминать чудовищную погоду и смеяться. Вероятно, намного позже, но когда-нибудь, поэтому... После перекуса они двинулись дальше, временами молча, временами оживленно болтая.

Еще примерно через час они увидели на вершине горы турбазу Блохаммарен и дружно решили, что первым делом пойдут в душ и сауну. С новыми силами они продолжили подниматься по почти лишенной растительности и очень мокрой горе.

Когда пройти оставалось около километра, они остановились, достали ковшички и попили из бурно текущей вдоль склона горы речки. Позже Карин уже не могла припом-

нить, почему вынула пластиковый пакет с подтверждением брони. Она открыла рюкзак, чтобы достать пакетик с орехами и изюмом, и ее взгляд по какой-то причине упал на бумаги.

То, что она увидела, не укладывалось у нее в голове. Никак. Она снова посмотрела, поняла, что произошло, и опустила пакет обратно в рюкзак, размышляя над тем, как лучше рассказать о своем открытии Марии. Поняла, что хорошего способа не существует, нет даже терпимого. Оставалось просто сказать правду.

– Черт побери, – выдавила она из себя, чтобы четко показать, что прочтенное ей тоже далеко не безразлично.

– В чем дело? – поинтересовалась Мария с набитым орешками кешью ртом. – Если ты что-нибудь забыла, тебе придется возвращаться одной. Я мысленно уже в сауне с бутылкой пива.

– Нет, я посмотрела на нашу бронь...

– И что? – Мария сунула в воду желтый пластиковый ковшичек, выпила еще глоток и выплеснула остаток.

– Мы... мы пошли немного неправильно.

– Как это? Ведь турбаза находится наверху. Мы пропустили какую-то дорогу?

Мария привесила ковшичек к рюкзаку и приготовилась идти дальше. Карин стиснула зубы.

– Блохаммарен находится наверху. А нам сегодня надо в Сюларна.

Мария остановилась и посмотрела на нее, ничего не понимая.

– Но ты же все время говорила про Блохаммарен. Из Стурульвон в Блохаммарен, потом в Сюларна. Ты же все время так говорила.

– Да, знаю, я была уверена, что так и есть, но в бумаге написано, что сегодня вечером у нас комната в Сюларна, а завтра вечером в Блохаммарен.

Мария продолжала смотреть на нее непонимающим взглядом. Только не сейчас. Не когда они уже так близко. Карин шутит. Наверняка шутит.

– Прости.

Карин посмотрела Марии в глаза, и та сразу поняла: она не шутит. Но, может быть, все не так плохо? Они шли немного неправильно. Есть надежда, что им надо вернуться обратно всего на какой-нибудь километр.

– А какое расстояние до Сюларна?

Карин засомневалась. По голосу Марии она слышала, что та начинает злиться. Но сказать «небольшое» или «не очень далеко» – не выход. Опять же остается только сказать правду.

– Девятнадцать километров.

– Девятнадцать километров? Ты шутишь?

– Между Блохаммарен и Сюларна девятнадцать километров. Мы еще не дошли до Блохаммарен, значит, восемнадцать. Возможно, семнадцать.

– Это же, черт возьми, еще четыре часа!

– Прости.

– Когда начинает темнеть?

– Не знаю.

– Да, но черт возьми! Это невозможно! А не могут ли они принять нас на сегодняшнюю ночь здесь, чтобы мы пошли в Сюларна завтра? Мы перебронируем. Ведь должна же быть такая возможность?

На мгновение Карин испытала большое облегчение. Конечно. Это выход. Умница Мария. В полной уверенности, что решение проблемы близко, она достала из рюкзака подтверждение брони и мобильный телефон.

Оказалось, что перебронировать невозможно. Все номера заняты. Последние выходные очень популярны. Если у них есть надувные матрасы или подстилки, то их могут поселить

в бытовке. Два места на ужин есть только после 21.30. К сожалению. Карин с Марией взвесили этот вариант, но Мария коротко заявила, что отказывается ночевать в какой-то чертовой бытовке, надела рюкзак и пошла.

Поначалу Мария разговаривать не хотела, а потом, вероятно, просто не могла. Несмотря на дождь и хлеставший их по щекам встречный ветер, лицо Марии приобрело серовато-белый оттенок, а большая часть кожи обвисла так, будто у подруги вообще отсутствовали лицевые мышцы.

Она выглядела вконец измученной. Едва отвечала, когда к ней обращались. Карин пыталась сохранять хорошее настроение, но чувствовала, что это дается все труднее.

Она не виновата.

Или виновата, конечно, но она просто ошиблась.

– Подожди, давай немного передохнем, – предложила Карин, когда они прошли еще полтора часа.

– Какой, черт возьми, смысл? Лучше уж идти, тогда мы в какой-то проклятый момент наконец дойдем.

– Возьми немного орешков, подкрепись. Мне надо набрать воды в бутылочку. – Она кивнула на бурный поток несколькими метрами ниже плато, по которому они шли.

– Ты не сможешь тут спуститься.

– Смогу.

Особой уверенности Карин не ощущала, но ответила твердо, чтобы казаться бодрой и не поддаваться унынию и плохому настроению Марии. Подходя к краю, она надеялась, что ужин и ночной сон придадут Марии оптимизма, чтобы не весь отпуск оказался испорченным. Мария была права, спуститься будет трудно, здесь слишком круто. Трудно, но не невозможно.

Карин шагнула ближе к краю, и земля ушла у нее из-под ног. Она упала, вскрикнула и попыталась за что-нибудь зацепиться. Левая рука за что-то ухватилась, но этот предмет обломился, и Карин покатила по крутому склону вместе с землей, глиной и камнями. Она ушибла правое колено и, едва успев подумать, что это все равно не помешает ей добраться до Сюларна, как обнаружила себя лежащей в нескольких метрах от бурного потока. Отдельные камешки прикатились следом за ней и застряли в грязи.

– О господи! Ты в порядке?! Как ты? – заволновалась наверху Мария.

Карин с трудом приняла сидячее положение. Начала проверять. Ее светлый непромокаемый костюм выглядел так, будто она провела десять раундов боя в грязи, но тело, похоже, уцелело. Только немного побаливало колено.

– Я в порядке, все нормально.

– Что у тебя в руке за палки?

Палки в руке? Карин посмотрела и, испуганно вскрикнув, отбросила их.

Чья-то рука.

Скелет руки.

Палки оказались костями предплечья, отломанными у локтя. Она посмотрела на откос, с которого упала. Метром ниже того места, где стояла Мария, торчал остаток руки, а рядом, в глине, лежал череп.

Карин явственно поняла, что отпуск все-таки спасти не удастся.

Эллинор Бергквист.

Вальдемар Литнер громко вздохнул. Впервые она возникла в его жизни чуть более двух месяцев назад. Позвонила в фирму и записалась на прием. Явно настаивала на том, чтобы встретиться именно с ним. Цель визита была немного неясна и не особенно проявилась во время последующих встреч. Что-то по поводу компании, которую она предполагала создать, и требовавшейся ей помощи. Несмотря на то что он консультировал ее изо всех сил, ничего так

и не произошло. Сейчас Эллинор была ничуть не ближе к воплощению своего плана, чем в их первую встречу. Тогда он поинтересовался, почему она обратилась именно к нему. Эллинор ответила, что его ей рекомендовал один знакомый. На вопрос Вальдемара, кто именно, она ответила очень уклончиво. Снова. Оказалось, что существует ряд вопросов, на которые она толком не может дать ответ. Например, что за компанию она собирается создать и чем намерена заниматься.

Но сегодня они встречаются в последний раз, после чего он сможет забыть об Эллинор Бергквист навсегда. По пути к двери он прижал руки к ноющей пояснице и изо всех сил выпрямил спину. Затем открыл дверь в маленькую рецепцию. Эллинор встала с черного дивана в ту же секунду, как увидела его.

– Здравствуйте, Эллинор. Рад вас видеть.

– Спасибо.

Когда они пожимали друг другу руки, она ему улыбнулась. Вальдемар пригласил ее в кабинет, и она, сняв свое красное пальто, уселась на стул напротив письменного стола и поставила на колени большую сумку.

– Я принесла с собой бумаги, которые вы мне дали, – начала она, засовывая руку в сумку.

– Эллинор, – прервал ее Вальдемар, и в том, как он произнес ее имя, было что-то такое, что заставило ее немедленно прекратить рыться в сумке. – Я не думаю, что вам стоит быть нашим клиентом.

Эллинор остолбенела. Неужели у него возникли подозрения? Не совершила ли она какую-нибудь ошибку? Неужели он каким-то образом вычислил, что она здесь вовсе не для получения экономических советов, а для... а, собственно, для чего? Она хотела только посмотреть, кто он такой. Что он собой представляет. Ей казалось увлекательным сидеть тут, напротив экономического преступника, угрожавшего ее жениху и, возможно, замешанного в убийствах.

Переехав к своему обожаемому Себастиану, она нашла пластиковый пакет с бумагами. Пакет, при напоминании о котором Себастиан разволновался и попросил ее выбросить его. Уничтожить.

Она же пакет не уничтожила.

Она прочла его содержимое. Прочла, узнала название – «Дактеа Инвест» – и поняла, что Вальдемар Литнер определенно уголовник. Никто из запутанных в клубок вокруг фирмы «Дактеа», о которой несколько лет назад так много писали в газетах, невиновным быть не может – в этом Эллинор не сомневалась.

Однажды, когда Себастиан лежал дома с воспалением легких, она спросила его о Вальдемаре. Просто поинтересовалась, кто он такой, и больше ничего. Себастиан страшно рассердился. Спросил, откуда ей известно это имя и что она знает. Она ответила, как есть, что посмотрела в пакет, который он велел ей выбросить. Потом ей пришлось солгать.

Отвечая на следующий вопрос, она сказала, что выкинула пакет.

Вместе с тем она обрадовалась. Бурная реакция Себастиана подтвердила, что она на правильном пути. Себастиан, похоже, боится Литнера. Она стремилась помочь Себастиану, самостоятельно изучая Вальдемара, чтобы постепенно засадить его за решетку. Но теперь, стало быть, разведке пришел конец.

– Почему же мне не стоит быть вашим клиентом? – поинтересовалась Эллинор и скользнула на край стула, приготовившись бежать на случай, если Вальдемар вдруг вздумает применить силу.

– Я не думаю, что могу вам помочь. Мы встречаемся уже в четвертый раз, а вы еще даже не запустили свою компанию.

– Возникли кое-какие препятствия...

– Знаете, что я предлагаю? Вы запустите фирму, и когда она заработает, и у вас будут в наличии все бумаги, вы снова придете, и мы посмотрим, что можно сделать.

К своему большому удивлению, он увидел, что Эллинор кивнула и встала.

– Да, так, вероятно, будет лучше всего.

Вальдемар застыл на месте. Он почему-то ожидал большего сопротивления. Ведь она же провела у него в кабинете более шести часов. Оплатила их. Ничего не добилась. Он ожидал, что она не отцепится. Почему, он толком не знал, просто ему казалось, что она из таких.

Но тут он увидел, как она забрала со спинки стула пальто и пошла к двери.

– В любом случае, спасибо. Это было очень познавательно, – проговорила она, открывая дверь.

– Спасибо, приятно, что вы так считаете.

Эллинор улыбнулась ему, вышла и закрыла за собой дверь. В рецепции она надела пальто, а мысли у нее тем временем крутились со страшной скоростью. Неужели он ее раскусил?

Она сделала глубокий вдох. Успокоилась. Взглянула на ситуацию трезво. Прописана она по-прежнему по старому адресу, между ней и Себастианом нет никакой связи, если только он не следил за ней. Это казалось неправдоподобным. Наверное, все обстоит именно так, как он сказал: он почувствовал, что не может ей помочь. Дальше ей не продвинуться. Пришло время передать дело в руки профессионалу. Себастиану незачем знать, что это она позаботилась о том, чтобы Вальдемар Литнер исчез. Это будет ее тайным подарком. Знаком ее любви.

После этого ничто не будет угрожать их счастью.

Шибекка бродила по квартире, ликуя. Однако она так долго ждала чего-нибудь подобного, что, когда ее желания сбылись, испугалась. Она села и вновь посмотрела на письмо, которое аккуратно положила на столе перед собой. Текст занимал только середину листа. Казалось странным, что нечто столь важное может быть таким кратким.

Здравствуйте, Шибекка!

Спасибо за Ваше письмо. Сожалею, что ответ потребовал времени. Мы в редакции обсуждали полученную от Вас информацию, и нам бы очень хотелось с Вами пообщаться. Лучше всего было бы встретиться без каких-либо обязательств, чтобы мы смогли лучше оценить Вашу историю и то, как следует дальше разбираться с исчезновением Вашего мужа.

Свяжитесь с нами.

С наилучшими пожеланиями,

Леннарт Стрид,

Репортер

«Журналистские расследования»

В самом низу имелись адрес и два телефона, судя по всему, редакции. Шибекка осторожно опустила письмо обратно на стол. Рассказать об этом сыновьям? Наверное, не стоит. Для нее надежда могла гаснуть и вспыхивать, она к этому привыкла, за прошедшие годы такое случилось многократно. Но детей надо щадить. Им и так было тяжело расти без отца. Впрочем, уверенности она не чувствовала. Справится ли она в одиночку? Она снова перечитала письмо, словно желая посмотреть, не даст ли оно каких-нибудь ответов, но это привело лишь к новым вопросам. Что означает «без каких-либо обязательств»? Просто способ не брать на себя ответственности? Как они собираются оценивать ее историю? История правдива, но достаточно ли этого? Решиться ли пойти на встречу с этим мужчиной одной? Родственникам и знакомым это не понравится. В принципе они правы, но в то же время брать кого-нибудь с собой ей не хотелось. Они будут ее сдерживать. Говорить вместо нее, заставлять ее молчать. А тогда все напрасно. Такая перспектива ее не устраивала. Ей хотелось, чтобы на этой встрече звучал только ее голос. Друзья, конечно, знают, как она боролась, никогда не сдаваясь, но поймут ли

они, что это Швеция? Что здесь женщины могут встречаться с мужчинами без сопровождающего? Сомнительно.

Значит, никому говорить нельзя. Она вышла в прихожую и села возле черного беспроводного телефона. Он стоял на маленьком столике, и она вспомнила, как они с Хамидом принесли его домой. Телефон был куплен в большом универмаге рядом с тем, что теперь называется торговым центром «Бромма Блокс», где было так много телевизоров, что она поначалу не поверила своим глазам. Целая стена движущихся картинок. Многочисленные ряды упаковок со всем, начиная от наушников и кончая DVD-плеерами. Изобилие. Они с Хамидом посмотрели друг на друга и только посмеялись: они-то считали, что теперь у них много денег, а на самом деле их оказалось так мало.

Они купили телефон и самый дешевый телевизор, какой нашли. Саид отвез их с покупками домой. Она помнила, как сидела на заднем сиденье, нетерпеливо ощупывая белую картонную упаковку с фотографией телефона. Только и ждала возможности ее открыть. Подержать телефон в руках.

Они просидели много вечеров, пытаясь дозвониться до родственников и друзей в Кандагаре. Это всегда бывало очень трудно. Их мобильные телефоны редко работали, а если дозвониться удавалось, то разговор мог в любую минуту оборваться. Тем не менее она вспоминала эти мгновения с теплотой.

Связь с домом.

Веселые голоса на заднем плане.

Они сидели вместе, рядышком, она и Хамид. Она заваривала чай, он набирал разные номера, и вместе они надеялись. Чаще всего им никто не отвечал, но когда отвечали, оба вскрикивали от радости, и она крепко прижимала телефон к уху, чтобы услышать слова из их прежнего дома. Хамид ей не мешал. Давал слушать. Улыбался ей. Поглаживал ее руку, пока она сидела молча и только слушала.

Хамид. Ее муж.

Шибекa взяла трубку и посмотрела на нее. Теперь телефоном пользовались не особенно часто. Чтобы ощутить связь с родиной, она обычно ходила к друзьям и сидела на кухне вместе с женщинами, слушая, как мужчины разговаривают в комнате. Это было не то же самое. Отнюдь. Звонить сама она не могла, они хотели разговаривать с женщиной. Не с ней. Так уж у них заведено.

Шибекa набрала один из указанных в письме номеров. Мобильный номер. Шведы в основном отвечают на звонки по мобильному, она знала это и поэтому сперва попробовала этот номер. После двух сигналов послышался мужской голос.

– Да, Леннарт слушает.

Поначалу она не решалась ничего сказать. Вероятно, надеялась, что он не ответит, и тогда она сможет обдумывать разговор. Не вести его по-настоящему. Но мужчина на другом конце хотел, чтобы ему ответили.

– Алло, Леннарт слушает.

Она чувствовала, что должна говорить, но никак не могла придать голосу силу.

– Здравствуйте, меня зовут Шибекa Хан, я получила от вас письмо.

– Простите, я не расслышал.

Она сделала над собой усилие, иначе мужчина, возможно, потеряет к ней интерес.

– Письмо. Я получила от вас письмо. Меня зовут Шибекa Хан.

Она услышала, что он заинтересовался.

– Да, здравствуйте, как хорошо, что вы звоните, – сказал он с большей энергией и интересом в голосе. – Как я написал, исчезновение вашего мужа вызвало у нас некоторый интерес, – продолжил он. – Я не могу ничего обещать, но нам кажется, что в деле стоит разобраться.

Мужчина говорил быстро, и она улавливала не все. Однако слово «интерес» она определенно узнала. Поэтому постаралась говорить так, будто все понимает. Почувствовала, что это важно, чтобы он не отмахнулся от нее.

– Хорошо.

– Мы могли бы встретиться?

– Сейчас?

– Нет, не сейчас. Скажем... – Наступила тишина, и Шибеке показалось, что она слышит, как он листает ежедневник. – В понедельник, около одиннадцати. Идет?

«Идет» – означает то же, что «подходит». Так же говорят сыновья и коллеги. Его интересуется, возможно ли это. Она поняла. Но внезапно испугалась.

– Я не знаю.

Мужчина на другом конце ненадолго замолчал, а потом спросил:

– Вы не знаете или не можете?

– Думаю, не знаю. – Шибека сомневалась в том, как лучше ему объяснить. Она хотела, но это казалось неправильным. – Вы имеете в виду, только вы и я? Будем встречаться?

– Если вы не хотите пригласить переводчика. Но, похоже, необходимости нет. Вы говорите по-шведски очень хорошо.

– Спасибо, я стараюсь.

Она сомневалась. В мире Леннарта Стрида нет ничего странного в том, что женщина одна встречается с незнакомым ей мужчиной. В этой стране такое не считается странным, а она теперь живет в этой стране. Шибека вдохнула поглубже и набралась мужества.

– Где?

– Возле универмага «Оленс», около метро «Т-Сентрален» есть кафе. Кафе «Болеро».

Кафе. Естественно. Шведы пьют кофе. Шибека сообразила, что ей требуется ручка и бумага, чтобы все записать. Но кафе и «Б что-то там» она, пожалуй, запомнит.

– Как вы сказали, оно называется?

– Кафе «Болеро». Около универмага «Оленс».

– Спасибо.

– В одиннадцать часов?

– В одиннадцать часов, хорошо. – Она чувствовала себя глупо, только повторяя его слова, но мужчина, казалось, так не думал.

– До встречи, – сказал мужчина и положил трубку.

Шибека немного посидела молча, потом тоже положила трубку. Все получилось лучше, чем она могла надеяться.

Та же самая квартира, но все-таки не та. Все вещи стоят там, где всегда. Мебель на месте. Деревянный пол перед кухней по-прежнему скрипит, когда она идет завтракать. Даже цветы на окнах продолжают расти так, будто ничего не случилось. Но Урсула больше не чувствовала себя здесь дома. Казалось, словно бы она находится в незнакомом месте, хотя ей известен каждый уголок, каждый квадратный сантиметр. Возможно, ей не хватало звуков или его костюма на коричневом кресле, или того, что к ее приходу домой не включается кофеварка. Она не знала. Ощущение, что она чужая в собственном доме, ее раздражало, и ее рациональное «я» отважно пыталось сопротивляться и добираться до сути произошедшего, преуменьшая его значение.

Разница все-таки не так уж велика.

Она пробовала уговаривать себя, что большинство звуков все же исчезло из квартиры, когда Бэлла переехала в Упсалу, и тогда ей это не мешало. Их с Микаэлем отношения в последние годы все равно утратили былой смысл, убеждала она себя. По правде говоря, они отдали-

лись друг от друга. Ведь пары регулярно расходятся, разъезжаются и находят новых партнеров. То, что произошло, совершенно естественно.

Однако никакие логические построения не могли облегчить ее мучения. Она страдала не от одиночества. С ним она могла справиться. Проблема заключалась в том, как все случилось. В том, что оставил ее он. Это было невозможно, и она не могла этого пережить. Ему следовало бороться за нее.

Не просто исчезнуть.

Не Микаэлю.

Только она могла вот так все бросить и уйти.

Тем не менее так поступил он. Даже не пытаясь ничего исправить. Без видимого сожаления. Быстро и решительно – она и не знала, что он на такое способен.

Он сказал, что прервал отношения с другой женщиной. Прервал, не порвал. Взял паузу, потому что хотел, прежде чем идти дальше, выяснить все с Урсулой. Это было не совсем правдой. Ему не хотелось ничего выяснять, он хотел просто рассказать, возможно, слегка извиниться и затем сбежать.

К ней.

К Аманде.

Он говорил рассудительно, мягко, но решительно. Не дал ей ни малейшего шанса найти путь обратно к его сердцу, эта дверь была закрыта. Рассказывая о неизбежном, он взял ее за руку, чтобы утешить. Она чувствовала, что он избегает деталей, способных причинить ей боль, но в то же время не боится правды.

В это мгновение Урсула его любила.

Во всяком случае, ей так думалось. Такого чувства она еще никогда не испытывала. Сильного и противоречивого. Будто какой-то метафизический алфавит обрел новую букву, о существовании которой она не подозревала.

Ей хотелось кричать и швырять в него всем, что попадется под руку. Целовать его. Умолять. Но она была не в силах. Ее полностью парализовала абсурдная комбинация из любви, злости и удивления. Она просто сидела и кивала. Выпустила его руку и сказала, что понимает, хотя на самом деле ничего не понимала.

Он еще немного пожил у нее, но все больше и больше его вещей исчезало, и визиты становились все короче и короче, пока однажды не прекратились вовсе. Он переехал.

Оставил ее.

За долгие годы им с Микаэлем довелось пережить много испытаний. Двумя крупнейшими препятствиями, которые им приходилось преодолевать, были его склонность к зависимости и ее неспособность к душевной близости. Раньше они всегда с этим справлялись. Находили моменты, когда вновь сближались. Их различия каким-то образом становились подходящими друг к другу фрагментами мозаики.

А на этот раз нет.

Он сказал, что влюблен.

Второй раз в жизни. На этот раз в женщину, дававшую ему столько же, сколько она получала.

Урсула знала, что ей нечего предложить взамен.

Поэтому она отпустила его.

После разговора с Микаэлем Урсула несколько дней не покидала квартиры. Была не в силах. По прошествии начального шока оказалось, что надо заняться многими делами и проблемами. Больше всего ее пугало то, как – и прежде всего кому из них – следует сообщить о случившемся Бэлле. Чем больше она думала, тем отчетливее понимала, что все рассказать должна она. Иначе она может легко потерять не только мужа, но и дочь. Бэлла всегда была

папиной дочкой. Они с отцом на протяжении всех этих лет с легкостью находили общий язык. Урсула, конечно, тоже присутствовала в ее жизни. Чуть в стороне. Иногда.

Когда она не работала.

Когда у них с Бэллой не возникали конфликты, в которых они так легко увязали.

Когда Урсула сама хотела и прилагала усилия. Только тогда.

На ее условиях.

Последней мысли она старалась избегать до последнего, но в пустой, теперь чужой квартире эта мысль вновь посетила ее.

Урсула внезапно осознала, что ей необходимо строить новые отношения с Бэллой. Более серьезные. Собственные, а не находящиеся в кильватере Микаэля. Опирайтесь на него она больше не может.

Она теперь одна.

Стать тем, кто расскажет правду, – пожалуй, хорошее начало. Так ей, во всяком случае, казалось. Урсула позвонила Микаэлю и попросила разрешения сообщить обо всем Бэлле. Он сразу согласился, даже нашел эту идею удачной.

В результате в пятидесятилетнем возрасте она оказалась перед задачей, которая раньше ей была не по зубам.

Пообщаться с дочерью как с человеком.

Как мать.

Всерьез.

Ей потребовался почти целый день, чтобы решиться позвонить.

Они встретились в кафе неподалеку от университета. Место предложила Бэлла. Такое современное заведение в американском духе, где продают гигантские плюшки и пончики и наливают кофе в картонные стаканчики. Урсула пришла рано, заказала латте, села и посмотрела в окно. Увидела спешащих мимо людей и машины. Время ланча еще не подошло, и кафе было полупустым. Урсула потягивала горячий кофе и пыталась направить мысли в одном направлении, не позволяя им расползаться и разлетаться во все стороны. Когда же ей это удалось, все мысли оказались об одном и том же. Неужели она потеряет Бэллу? Ее ли в этом вина? Почему она не может быть, как другие матери? Почему она не может...

Внезапно Бэлла возникла у нее за спиной. Урсула даже не заметила, как она вошла.

– Привет, мама.

Урсула попыталась улыбнуться, но у нее, вероятно, не получилось. Лицо Бэллы сразу стало серьезным, она села.

– Что случилось? Ты такая бледная.

Урсула рассказала. Старалась сохранять беспристрастность и не взваливать вину на Микаэля. Она представила случившееся как общее решение. Нечто, к чему пришли два взрослых человека. Звучало, вероятно, не совсем убедительно. Но Урсула чувствовала, что она на правильном пути. Необходим баланс. Нельзя заставлять Бэллу выбирать сторону. Потому что она знала, кого тогда выберет дочь.

Они прогулялись пешком обратно до вокзала. Мать и дочь. Урсула не могла припомнить, когда они в последний раз вместе гуляли. Она уже большая, ее дочь. Умная, взрослая и наделенная душевным теплом, которое сейчас было направлено на Урсулу. Напряжение ушло, и она наслаждалась моментом. Казалось, они ближе друг к другу, чем когда-либо.

Это ощущение сохранялось и когда они остановились на перроне возле поезда, которому предстояло увезти Урсулу обратно в Стокгольм. Когда они подходили к вокзалу, Бэлла спросила мать, не хочет ли та остаться ночевать: у нее в комнате можно было устроить дополнительное спальное место. На секунду Урсула задумалась, не удивить ли Бэллу согласием. Но потом

передумала. Встреча превзошла ее ожидания, и она побоялась показаться слишком навязчивой. Сослалась на работу, но пообещала снова приехать навестить дочь. Очень скоро.

– Ты справишься? – спросила Урсула, подавив желание погладить Бэллу по щеке.

– Конечно.

Бэлла наклонилась и обняла ее. Когда такое случалось в последний раз, Урсула тоже не могла припомнить. Во всяком случае, давно.

– Я не так сильно удивлена, как ты, возможно, думаешь, – опустив руки, сказала Бэлла.

Урсула оцепенела. Какой-то внутренний голосок кричал ей, что надо просто улыбнуться в ответ. Улыбнуться и зайти в поезд. Сохранить приятное чувство. Она не послушалась.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что не так сильно удивлена?

– Ну... Мы с папой ведь довольно много разговариваем...

Бэлла отвела взгляд, явно испытывая некоторую неловкость. Урсула попыталась понять, что означают в данном контексте слова Бэллы. Ей в голову пришло только одно.

– Ты знала, что у него есть другая?

– Нет, этого я не знала. Правда.

– Но ты знала, что он собирается оставить меня?

– Нет-нет, отнюдь. Честное слово, я не имела ни малейшего представления.

– Но ты сказала, что не так уж сильно удивилась. Значит, ты чего-то такого ожидала.

– Мама...

– Значит, ты понимаешь, что он оставляет меня, поскольку я... какая? Человек, с которым невозможно жить?

– Мама, я совсем не то имела в виду. – Урсула увидела, как в глазах Бэллы выступили слезы. Она протянула руку, и Урсула с удивлением заметила, что отступает на шаг. Бросив на дочь последний взгляд, разворачивается и идет к поезду. – Останься! – кричала ей вслед Бэлла. – Пропусти этот поезд, чтобы мы могли обо всем поговорить!

Но она не осталась. Не поехала следующим поездом. Не отважилась. Где-то в глубине души маленький голосок говорил ей, что Бэлла полностью, полностью права.

Урсула продолжала ходить на работу, как обычно, но ничего никому не говорила. Что ей было говорить? Что ее бросил муж? Ни за что. Она никогда не делилась с другими своими проблемами и мыслями за чашкой кофе с булочкой. Ближе всех из коллег ей был Торкель, ее начальник и любовник, но ему она ничего рассказать не могла. Он все истолковал бы неправильно, у него пробудилась бы надежда на то, что их эпизодический секс перерастет в нечто большее. Пока в ее жизни существовал Микаэль, Торкель не претендовал на серьезные отношения. С исчезновением Микаэля ситуация изменится. Поэтому она ничего ему не сказала. Просто подыгрывать, делая вид, что все как обычно, оказалось легче, чем она предполагала.

Она пыталась концентрироваться на работе. Однако это давалось ей труднее обычного. Их группа пребывала в режиме ожидания, но Урсула каждый день приходила рано. Разбирала завалы на письменном столе. Проводила чистку в материалах исследований и каталогизировала старые акты. Примерно на неделю этого хватило. Потом она опять осталась без дела.

Урсула знала, что Ванья обычно разделяла ее раздражение в подобных ситуациях. Она тоже не была создана для спокойной жизни. Но она как раз подала документы на получение трехгодичного углубленного специализированного образования, организованного ФБР в США, и все время проводила за подготовкой к трудным вступительным экзаменам. Урсула ее днем почти не видела, а если видела, то Ванья сидела, углубившись в книги или не отрываясь от компьютера.

Билли вернулся на службу после разбирательства по поводу выстрела, убившего Эдварда Хинде, но в офисе почти не показывался. Ходили слухи, что у него новая девушка.

Спасение пришло от Свена Далена, одного из ее бывших коллег по Государственной криминологической лаборатории в Линчёпинге, которого включили в только что сформиро-

ванную при Госкомиссии по раскрытию убийств общедоступную Группу нераскрытых преступлений. Раньше подобное подразделение существовало в Сконе³ – большой отдел с шестью следователями, куда входил и Свен, но теперь предстояло повторить достигнутый ими успех на национальном уровне, и Свена попросили возглавить криминологическую часть.

Он получил офис этажом ниже Госкомиссии, и они пользовались той же лабораторией.

Урсула начала придумывать себе дела этажом ниже. Прогуливалась мимо кабинета Свена. Спрашивала, не хочет ли тот выпить кофе.

Беседовала.

Интересовалась деталями и давала советы.

Старалась постоянно быть на виду.

Вскоре к ней обратились с вопросом.

Речь шла об убийстве в Ханинге. Восьмилетней давности. Не могла бы она ему помочь?

Она могла.

Торкель понимал, чем она занимается, но ничего не говорил. Урсула, у которой есть работа, была гораздо лучше Урсулы, которая неугомонно бродит, подобно тигру в слишком маленькой клетке, и ищет, во что бы ей вцепиться. Поэтому он промолчал, когда она, даже не спрашивая разрешения, практически начала работать в отделе Свена.

Допоздна. С раннего утра. Все время.

Свен отправлял ее домой. Говорил, что ей надо заниматься семьей. Урсула лгала, отвечая, что никаких проблем не возникает.

Они всего лишь вдвоем с Микке, а муж все понимает.

«Как всегда», – говорила она с улыбкой.

Поэтому она продолжала работать дальше, прекрасно сознавая, что пользуется работой, как щитом, чтобы отгородиться от всего остального.

Александр Сёдерлинг встал с дорогого эргономичного компьютерного кресла и подошел к окну. Несмотря на поздний час, на Дроттнингтатан здесь и там прогуливались люди. Он взглянул на часы. Дети уже спят. Хелена тоже. Сегодня он так и не увидел никого из них.

Весь день вылился в целую череду разных совещаний. Дела уже некоторое время шли хорошо. Фирма росла, но возрастала и рабочая нагрузка. Он вернулся обратно в офис около шести и подумывал, не наплевать ли на все. Поехать домой. Отвезти в виде исключения Сельму в конный манеж. Остаться там и понаблюдать за уроком. Провести перед сном часок с Хеленой. Это было заманчиво, но он все-таки избрал компромисс. Он плюнет на гору бумаг, которые секретарша перед уходом положила ему на письменный стол, но просмотрит электронную почту. Чуть более получаса. Вероятно, пропустит конную школу, но час с женой провести успеет.

Через сорок пять минут он закончил и, довольный собой, решил перед отъездом домой пробежать глазами последние новости.

Верхний заголовок на первом же сайте гласил:

«МАССОВОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ В ГОРАХ»

В статье сообщалось не многим больше. Туристы наткнулись в горах на могилу. Несколько человек, пролежали долго. Александр поискал на других страницах. Те же сведения в другой форме. Больше никаких деталей. Нигде не было сказано кто, сколько или как долго. Александр откинулся на спинку кресла. Опустил плечи, которые от напряжения почти прижимал к ушам. Выдохнул, попытался расслабиться и думать трезво.

³ Южная провинция Швеции.

Их нашли.

Или?

Да, это должны быть они. Сколько массовых захоронений может находиться в Йемтланде?

Александр принес чашку кофе. Ехать домой сейчас нельзя. Он выпил кофе, стоя у окна и глядя на Дроттнинггатан, затем опять сел к компьютеру. Еще с час просматривал разные сайты, чтобы проверить, не обновились ли статьи, и не появилась ли дополнительная информация, но ничего не обнаружил. Предположил, что она появится завтра. Вопрос в том, что делать? Позвонить, проинформировать? Они, наверное, уже в курсе. Но если он не позвонит, то его могут обвинить в пассивности. В халатности. Он решил, что звонок может оказаться ошибкой, но не такой большой, как если он не позвонит.

Поэтому он встал и опять подошел к окну. Начался дождь. Редкие прохожие ускоряли шаг, пригибаясь на усиливающемся ветру. Александр достал мобильный телефон. Набрал номер. Ему ответили с третьего гудка. На заднем плане музыка.

– Да?

Женщина на другом конце больше ничего не сказала. Музыку Александр узнал. Люкке Ли. «Возможность». Они в офисе часто заводят Люкке Ли.

– Это Александр. Сёдерлинг, – добавил он на всякий случай. – Мы давно не разговаривали.

– Да, знаю.

В любом другом разговоре Александр вежливо спросил бы, как обстоят дела или все ли в порядке. Услышанные им краткие ответы подсказали ему, что здесь его любезность едва ли оценят. Он перешел прямо к делу.

– Вы читали газеты?

– Что мне там следовало прочесть?

– В Йемтланде обнаружили массовое захоронение.

– Нет, этого я не знала.

– Это написано в Интернете.

– Вот как.

Александр стоял молча, глядя, как капли дождя быстро стекают по стеклу напоминая кровеносные сосуды рисунком. Он ожидал вопроса, например, о том, что там написано, но вопроса не последовало.

– Мы, наверное, можем исходить из того, что это они, – уточнил Александр, по всей видимости, совершенно напрасно. Действительно, сколько в Йемтланде может быть массовых захоронений?

– Вот как.

На этот раз тоже больше ничего не последовало. Женщина на другом конце явно не намеревалась поддерживать разговор. Она казалась даже не особенно заинтересованной, чуть ли не рассеянной. У Александра возникло ощущение, что звонок все-таки был ошибкой.

– Я постараюсь узнать, известно ли полиции, кто они такие, – продолжил он, чтобы показать, что способен проявлять инициативу.

– А если известно?

– Я не думаю, что существует сколько-нибудь серьезный риск. Все было очень... профессионально.

– Так, что мы будем делать? – Женщина на другом конце сделала короткую паузу. – Или, точнее говоря, ты...

– В настоящий момент ничего.

– Ничего?

– Это, пожалуй, лучше всего.

– Зачем же ты тогда звонишь?

– Я хотел только... Я думал, вы захотите узнать, что они нашли могилу.

– Я хочу, чтобы мне дали знать, если у нас возникнут проблемы. У нас есть проблемы?

– Нет, – ответил Александр.

– Тогда я ничего знать не хочу.

Снова тишина. Полная. Исчезла даже Люкке Ли. Разговор окончен. Александр положил трубку. Он стоял, глядя на улицу внизу пустым взглядом.

Есть ли у них проблемы?

Нет, пока нет, но Александр был почти уверен в том, что проблемы возникнут.

Звонок раздался в понедельник чуть позже половины восьмого. Торкель как раз принес первую в этот день чашку кофе. Он подтолкнул мышку, чтобы разбудить компьютер, глотнул горячего напитка и ответил.

– Торкель Хёглунд.

Человек на другом конце провода представился как начальник областного полицейского управления Хедвиг Хедман. Торкель сразу определил, что она из Йемтланда. Не потому что, держал в голове имена всех начальников областных полицейских управлений, а поскольку на Хедвиг Хедман только что поступила жалоба канцлеру юстиции за высказывание об одном из сотрудников. Канцлер юстиции, судя по всему, устраивать разбирательство не собирался, но ее имя еще было свежо у Торкеля в памяти.

– Чем я могу вам помочь? – поинтересовался он, отпивая еще глоток и усаживаясь в офисное кресло.

Через несколько минут он положил трубку.

Обнаружено шесть трупов.

В горах.

Они явно лежат там не первый день.

Хедвиг Хедман в начале разговора сказала, что они обнаружили массовое захоронение. Торкель задумался, достаточно ли шести человек, чтобы так называть их могилу, но все четыре крупные газеты использовали тот же термин, поэтому Торкель предположил, что да. Впрочем, это не имело значения.

Вполне достаточно, чтобы они выехали на место.

Он встал и вышел из кабинета. Кристель, его секретарша, еще не пришла, поэтому он написал записку и попросил ее сразу по приходе узнать расписание самолетов в Эстерсунд⁴ и как можно скорее сообщить ему.

Вернувшись в кабинет, он сел обратно в кресло и допил кофе, тем временем размышляя.

Ему предстояло собрать команду.

Но следовало обдумать две вещи.

Первая была связана с тем, что Ванья подала документы на учебу при ФБР в США. Первые отборочные туры она уже прошла и являлась одним из восьми кандидатов на поездку. Мест там три. Торкель был на сто процентов уверен, что одно из них достанется Ванье. Он сам дал ей самую лучшую характеристику. Правда, со смешанными чувствами. Он очень любил Ванью, она была потрясающим полицейским, важной частью команды и действительно заслуживала возможности развиваться и двигаться дальше. Но это означало, что он ее потеряет. Она будет отсутствовать в течение трех лет.

Три года без лучшего следователя.

Торкель уже начал подыскивать ей временную или постоянную замену в зависимости от того, предпочтет ли она после США вернуться к ним или, получив образование, пойти другой

⁴ Административный центр лена Йемтланд.

дорогой. Он еще не подавал объявления о наличии свободного места и не предавал огласке тот факт, что он ищет нового сотрудника. Отчасти из-за микроскопической вероятности, что Ванья не окажется в числе троих принятых. Отчасти потому, что хотел избежать затяжного процесса принятия на работу, при котором ему в худшем случае пришлось бы разбираться с сотнями заявлений. Торкель намеревался благополучно наплевать на такие показатели, как стаж, формальные квалификации и возможное право преимущества. Наверняка вопреки массе каких-то там правил приема на работу, но они его не волновали.

Госкомиссия по раскрытию убийств – это команда.

Его команда.

Он собирался взять того, кто ему понравится. В конечном счете решающее значение имеет сам человек, а не его заслуги. Да, можно быть исключительно талантливым полицейским, но этого мало. Требуется нечто другое. Более трудноопределимое. Человек должен вписаться. Торкель лично знал ряд полицейских, прослуживших по пять, десять, двадцать лет, которые, вероятно, могут отлично работать с чисто профессиональной точки зрения, но частью своей команды он никого из них не видел. Кроме того, большинство из них мужчины, а Торкель довольно твердо считал, что заменять Ванью следует женщиной. Не ради квотирования или требований какого-то плана гендерного равноправия, а по той простой причине, что опыт подсказывал ему: смешанные коллективы работают лучше. Он знал, к чему идет дело. Его мысли постоянно возвращались к заявлению от молодой женщины, только что закончившей стажировку в Сигтуне.

От Йеннифер Хольмгрен.

Она написала ему несколько недель назад. Просто так. Объяснила, как ей хочется работать в Госкомиссии и почему, и что-то в ее заявлении Торкеля сразу привлекло. Оно дышало заинтересованностью и желанием – желанием не внедриться в их организацию или формально продвинуться вперед, а развиваться, расти, работать с лучшими, чтобы учиться.

Когда Ванья рассказала, что подала заявление в Куантико⁵, Торкель пригласил Йеннифер для короткого интервью. Не потому, что всерьез думал, что она сможет стать заместителем, а в основном из любопытства.

Она его не разочаровала. Оказалась общительной, толковой и увлеченной. У Торкеля возникло ощущение, что, когда она говорила о том, чего ждет от полицейской работы, ей приходилось сдерживаться, чтобы ее не захлестнул энтузиазм. Она напомнила ему Ванью, когда он впервые с той встретился, а это было высшей оценкой. Против нее, конечно, говорили молодость и полное отсутствие опыта. За это ему влетит, если он решится ее попробовать. Но если взглянуть с другой стороны, можно сказать, что она тем самым не застряла в каких-нибудь привычных схемах и не воспротивится новым идеям, аргументируя тем, что «мы так никогда не делали». Она открыта и поддается воспитанию.

Ванья должна получить решение примерно через неделю. Уехать в ноябре. Не будет ошибкой взять возможного заместителя уже сейчас.

Торкель решил позвонить в Сигтуну и посмотреть, удастся ли ему забрать у них Йеннифер.

Второе, с чем ему предстояло определиться, это Себастиан.

Себастиан Бергман.

Безнадежный, но блистательный.

Во время двух последних расследований ему удалось затесаться в команду. Никто вообще-то не хотел его подключать, но он оба раза принес пользу. Вне всяких сомнений. Особенно во втором деле.

Он спас Ванье жизнь.

⁵ Город в США, где, в частности, на территории базы ВМС США находится Академия ФБР.

Вместе с тем его присутствие создавало в группе ненужные конфликты. Расследование убийства всегда изматывает, а привлечение Себастиана неизбежно влечет за собой дополнительные сложности. Из-за своего высокомерия, эгоизма и полного безразличия к окружающим он оказывается постоянным раздражителем. Он подобен черной дыре, которая грозит высосать энергию из всех, находящихся в комнате, и разорвать группу изнутри.

Блистательный очаг конфликтов.

За и против.

Подключить ли Себастиана снова?

Ох уж эти решения.

Если бы Ванья его не признала, Торкель бы даже не раздумывал. Но в последний раз, когда он с ней разговаривал, казалось, она прямо-таки ждет возможности опять поработать с Себастианом. Билли он нравится. Торкелю в глубине души тоже, хотя он может до безумия злиться на то, какие трудности создает его старый друг во всех ситуациях, в которые попадает. Урсула обладает способностью сосредоточиваться на главном и не поддаваться на провокации. Ее больше раздражает, когда ее ставят перед фактом и она чувствует, что решение было принято без ее участия. Стоит ему только объяснить, как он думает и почему, Урсула не воспримет его решение.

Шесть закопанных трупов на первый взгляд не требуют знаний Себастиана Бергмана.

Но шесть закопанных трупов означают серийного или массового убийцу, а никто в Швеции не знает о таковых лучше Себастиана.

Ох уж эти решения.

Торкель решился.

Сперва Сигтуна. Затем спуститься на этаж ниже, к Урсуле, и дать ей почувствовать себя сопричастной. Потом Ванья, Билли и последним Себастиан.

Так тому и быть.

Он потянулся к телефону.

– Ты должна выехать.

Себастиан воткнул нож обратно в лежащее на столе масло и обернулся к Эллинор, ставившей свою чашку в посудомоечную машину. Он выбрал подходящее для такого сообщения время. В выходные Эллинор была свободна, а Себастиану ни за что не хотелось сорокавошмичасовой дискуссии на повышенных тонах, упреков, слез и ярости, которые закончились бы тем, что ему пришлось бы физически вышвыривать ее. Теперь же она собиралась на работу, а человек она исключительно обязательный и ни в коем случае не останется дома, не предупредив заблаговременно. Если вообще правильно воспримет его слова. В этом у него уверенности не было.

– Какой ты шутник, – ответила она, даже не взглянув на него, чем подтвердила его опасения.

– Нет, я говорю серьезно. Ты должна выехать, иначе я тебя выгоню насильно.

Эллинор закрыла посудомоечную машину, выпрямилась и посмотрела на него с веселой улыбкой.

– Но лапочка, как же ты без меня справишься?

– Я отлично справлюсь, – ответил Себастиан, стараясь не выдать голосом накатывающее раздражение. Он ненавидел, когда она разговаривала с ним как с ребенком.

– Ты шутник, – опять заключила она, подошла к столу и быстро погладила его по щеке. – Тебе надо побриться, ты колешься. – Она улыбнулась, наклонилась и поцеловала его в губы. – Увидимся вечером.

Эллинор покинула кухню, и Себастиан слышал, как она скрылась в ванной. Уже хорошо знакомые ему к этому времени звуки подсказывали, что она чистит зубы. Он тяжело вздохнул.

Все получилось как всегда. А на что он рассчитывал? Каждый разговор с Эллинор, если он не касался будничных банальностей, шел кругами. Она никогда не слушала его. Не вникала в смысл его слов. Все истолковывалось в ее пользу. Если его слова нельзя было трактовать как похвалу или комплимент, она предпочитала просто игнорировать сказанное. Как сейчас.

Ты должна выехать.

У этих слов есть только один смысл. Все ясно. Такова реальность.

Впрочем, в мире Эллинор нет постоянной непреложной реальности. Она способна преобразовывать факты, как ей хочется. Он слишком много раз позволял ей уклоняться. Хватит. На этот раз ей придется слушать. Он дал волю досаде и раздражению, встал из-за стола и направился к ванной. Распахнул дверь – Эллинор никогда не запиралась – и встал на пороге. Их взгляды встретились в зеркале.

– Ты не хочешь знать, где я в четверг провел ночь?

Эллинор продолжала чистить зубы, но ее взгляд в зеркале давал четкий ответ.

Нет, она не хочет.

– Хочешь знать, почему я не пришел домой?

Эллинор сплюнула в раковину, поставила зубную щетку в пластиковый стаканчик на полочке и вытерлась одним из полосатых махровых полотенец, которые принесла домой с работы.

– У тебя наверняка имелись свои причины, – сказала она, протискиваясь мимо Себастиана в прихожую.

– Да, причину звали Гунилла, ей сорок семь лет, она медсестра.

– Я тебе не верю.

– Почему?

– Ты бы не смог так со мной поступить.

– А вот смог.

Эллинор покачала головой, натягивая пальто.

– Нет, не смог бы. Ведь это означало бы, что ты хотел меня обидеть, а зачем тебе это?

Себастиан смотрел на нее, она наклонилась и принялась натягивать сапоги быстрыми, судорожными движениями. Блестящее голенище выскользнуло у нее из рук. Пришлось начинать сначала. Еще более судорожно.словно она боролась, чтобы не потерять контроль. Себастиан почувствовал, как раздражение стихает и на его место рвется что-то вроде сострадания. Он попытался противиться этому чувству. Необходимо проявить решительность. Тем не менее он, к своему разочарованию, услышал, что его голос приобрел более мягкий тон.

– Я не хочу тебя обижать. Я хочу только, чтобы ты поняла, что мы больше не можем жить вместе.

– Почему?

– Это было ошибкой, тебе не следовало сюда переезжать. Это моя ошибка, я чувствовал что-то вроде, не знаю, чего... вины. Какое-то время я думал, что мне этого хочется, но ошибся.

Впервые с тех пор, как они вышли в прихожую, Эллинор подняла взгляд и посмотрела ему в глаза.

– Разве у нас не было все хорошо?

– У нас ничего не было.

Эллинор промолчала. Себастиану показалось, что у нее в глазах появились слезы. Неужели он близок к цели? Невзирая на то, что пришлось развивать свою мысль больше, чем он собирался. В таком случае наконец-то. Теперь надо не дать ей шанса истолковать или понять превратно. Вдолбить суть.

– Ты у меня как домработница, которую я трахаю. Ты меня не интересуешь, а я вызываю у тебя настолько сильные эмоции, что это даже нездорово.

Эллинор не ответила, но Себастиан заметил небольшую перемену: ее взгляд чуть-чуть ожесточился. Глаза сверкнули так, как ему прежде видеть не доводилось. У него возникло ощущение, что кто-то другой уже когда-то называл ее больной. Возможно, называло несколько человек несколько раз. Совершенно очевидно, ей это не понравилось.

– Поговорим об этом вечером.

Такие твердые нотки в ее голосе ему раньше тоже слышать не доводилось. Она в виде исключения услышала. Теперь только не ослаблять хватку.

– Нет, разговаривать нам незачем. Все просто. Ты должна выехать. Тебе вообще не следовало ко мне переезжать.

– Я уже сказала, увидимся вечером.

Эллинор открыла дверь и удалилась. Никакого поцелуя перед уходом – уже что-то. Впрочем, битва еще далеко не выиграна. Если Себастиан ее хорошо знает, то вечером она придет домой с подарком в знак примирения, приготовит потрясающий ужин и попросит прощения за то, что они ссорились, – какая глупость. Она захочет заняться любовью и все забыть.

Не исключено, что у нее получится. Ей каким-то образом всегда удавалось преодолевать его сопротивление. Надо просто-напросто не давать ей шанса.

Эллинор переехала к нему с обычным маленьким чемоданчиком на колесах. Конечно, она несколько раз ездила к себе в квартиру и привозила необходимые ей мелочи, но в целом ее вещей в квартире Себастиана было совсем немного. Черного чемоданчика и бумажного пакета должно хватить. Сейчас он все быстренько упакует.

Довольный своим планом, он пошел вглубь квартиры, но его остановил звонок мобильного телефона. Себастиан быстро ощупал карманы куртки и вытащил его. Посмотрел на дисплей. Он боялся, что звонит Эллинор, но это оказался Торкель. Себастиан удивился охватившему его ощущению надежды.

Его не разочаровали.

Шесть трупов. Стурульвон. Они вылетают в Эстерсунд через три часа.

Собирая вещи, он словно бы перенесся на пятнадцать лет назад. Быстро побросать в чемодан самое необходимое, не зная, сколько времени будешь отсутствовать, надеяться, что тебя ждет сложная задача. Он не задумывался об этом на протяжении многих, многих лет, а теперь, пока он сновал между шкафом и раскрытым на кровати чемоданом, его осенило.

Ему этого не хватало.

Он не только сможет применить свои знания. Он сможет применять их вместе с Ваньей. Кроме того, он отделался от Эллинор.

В настоящий момент все складывалось как нельзя лучше.

Утром Шибека встала рано. Разбудила любимых сыновей и подала им завтрак. Свежеиспеченный рохт – сладкий хлеб из пшеничной муки, йогурт и кардамон вместе с чаем со специями и тарелкой купленной ею на рынке кураги. Вдобавок к этому оба мальчика получили хлопья «Фростис» и молоко. Когда сыновья были маленькими, Шибека решила, что к завтраку на столе обязательно должна присутствовать и шведская еда, и оба, не колеблясь, выбрали хлопья «Фростис». Наверное, в основном потому, что они сладкие, кроме того, сыновьям, вероятно, понравился украшавший упаковку большой тигр. Шибека несколько раз пыталась предлагать им более полезные хлопья, но безуспешно.

У Мехрана сегодня спортивный день, его будут учить ориентированию, поэтому она упаковала ему в дорогу еду. Эйер с завистью наблюдал, как она укладывает в ранец Мехрама пластиковые контейнеры с кавурмой, оставшейся от вчерашнего дня. Он молниеносно поинтересовался, нельзя ли ему тоже взять с собой немного любимого тушеного блюда. Шибека улыбнулась ему. Как это типично для Эйера. Он никогда ничего не упустит, постоянно пыта-

ется получить от жизни больше. Мехран более серьезный, замкнутый и совсем не такой разговорчивый. Она покачала головой.

– Тебе тоже останется, но ты получишь блюдо на полдник, когда придешь домой.

Эйер, кивнув, вернулся к хлопьям. Шибекa наблюдала, как они едят. Ее сыновья. Все выходные она промучилась. Рассказать ли им? Мехран уже такой большой, что ему, наверное, следовало бы знать и, возможно, даже пойти с ней. Говорить за нее. Защищать ее. Но ей этого не хотелось. Она хотела пощадить их. Поговорить с мужчиной самостоятельно. Девять лет назад такое даже не пришло бы ей в голову. Ее мир исключал для женщины возможность действовать так, как поступала сейчас она. В том, что она собиралась совершить, было нечто постыдное и в то же время очень освобождающее. Она гордилась собой, хотя где-то в желудке и пряталось чувство вины.

Мальчики уже собрались идти в школу. Они обычно шли туда вместе. Шибекa поцеловала обоих в лоб и открыла дверь. Они побежали вниз по лестнице, а она осталась стоять в дверях, прислушиваясь к их шагам чуть дольше обычного. У нее действительно замечательные сыновья. Почтительные и вежливые, не то что у некоторых друзей, у кого столкновения между обычаями старой и новой стран приводили к конфликтам. Ей хотелось верить, что это ее заслуга. Она действительно старалась учить их брать лучшее из обеих культур. Это было нелегко. Но она старалась.

Шибекa вернулась на кухню и допила остатки теплого чая. Взяла кусочек рохта – сладко и вкусно. Затем пошла в гардеробную и начала одеваться. Наряжаться она не собиралась, но в то же время хотела выглядеть солидно. Надо, чтобы он воспринял ее всерьез. Она решила надеть на голову черную шаль, чтобы скрыть волосы. Ведь у нее траур, хотя и прошло много времени. Взяв транспортную карточку, она вышла из дома.

Станция метро находится в десяти минутах ходьбы. Если она встретит кого-нибудь из знакомых, то скажет, что едет за покупками на рынок, и будет надеяться на то, что встреченный человек не захочет составить ей компанию. Она солжет. Но иногда без лжи не обойтись.

Голубая линия вела прямо к «Т-Сентрален», поэтому пересаживаться ей не требовалось. Поезд был полупустым. Шибекa сообразила, что не сможет связаться с мужчиной, если не найдет кафе. Мобильного телефона у нее не было. Ей и в голову не приходило, что он ей может понадобиться. Дети имели каждый по телефону. Им они нужны. В Швеции вся молодежь ходит с мобильными. Может, ей следовало одолжить телефон у кого-нибудь из сыновей? Но это показалось бы странным, и они начали бы задавать вопросы – вопросы, на которые она не хотела отвечать. По крайней мере, сейчас. Собственно, она о многом не подумала. Была слишком заиклена на ожидании хоть какой-нибудь реакции. Поэтому сейчас, когда после стольких лет что-то наконец произошло, она оказалась к этому толком не готовой. Шибекa решила, что если начатое дело получит продолжение, то она обязательно заведет собственный мобильный телефон. Кое-кому из ее подруг и прежде всего их мужьям это не понравится. Впрочем, им все равно не понравилось бы то, чем она занимается. Во всех отношениях.

– Хочешь, я тебя провожу?

Мю нажатием кнопки выключила мотор и повернулась к Билли, сидевшему на пассажирском месте. Они остановились перед четвертым терминалом аэропорта Арланда. Билли быстро взглянул на часы. До отправления самолета оставалось 45 минут.

– Нет, не надо. Здесь чертовски дорогая парковка.

– О'кей.

Билли отстегнул ремень безопасности, наклонился и поцеловал ее.

– Я позвоню, когда узнаю, на сколько я там застряну.

Мю кивнула. Билли открыл дверцу и вышел. Едва он успел обойти вокруг и забрать из багажника сумку, как услышал, что дверца с водительской стороны открылась и Мю вышла из машины.

– Когда ты вернешься... – начала она, направляясь к нему.

– Я не знаю.

– Что?

– Не знаю, когда вернусь, – пояснил Билли, закрывая багажник. – Я позвоню сразу, как выясню.

– Я не то имела в виду. – Мю подошла к нему. Она взялась за его расстегнутую куртку и встала вплотную. – Я сказала, *когда* ты вернешься.

– И?

– Как ты смотришь на то, чтобы сразу съехаться?

Билли мог бы с легкостью перечислить двадцать вещей, которые удивили бы его меньше, спроси она о них. Возможно, даже больше. Он понятия не имел, что отвечать, вместе с тем мучительно сознавая, что не ответить вообще, вероятно, хуже всего. Но как же поступить? Мысль о том, чтобы съехаться, ему даже в голову не приходила. Как давно они вместе? С конца июня, сколько это получается? Примерно три месяца. Не рановато ли? Можно ли так и ответить? Что-то сказать ведь все равно надо.

– Значит, не хочешь, – констатировала Мю, подтвердив, что он молчал слишком долго.

– Я просто немного удивился.

– Потому что мы не так давно друг друга знаем?

– Да, отчасти, и потом... – Он не закончил предложение. Что же сказать? Больше и лучше аргументов за последние десять секунд у него не появилось. – Или да, дело, пожалуй, в этом, – признался он.

– Но мы ведь любим друг друга и почти живем вместе, правда, по двум адресам.

Она права. Они с самого начала проводили друг у друга много времени, а сейчас дело обстоит именно так, как сказала Мю. Они более или менее живут вместе. Иногда у нее, чаще у него. Работал он в последнее время не слишком много – делать было особенно нечего, а перед тем он был отстранен. После того как он застрелил Эдварда Хинде, он стал объектом внутреннего расследования. У них расследовались все случаи, когда полицейские применяли оружие, особенно если это приводило к смертельному исходу. Несколько допросов и два визита к Хокану Перссону Риддарстольпе, психологу Главного полицейского управления, и на том все.

Билли осознал, что Мю смотрит на него несколько требовательно. Явно настал его черед что-нибудь сказать.

– Тогда мы будем жить у меня или?.. – выдавил он из себя.

– У тебя. У меня. Купим что-нибудь новое. Это можно обсуждать. Но надо, чтобы ты хотел.

– Да... Да, я хочу, – проговорил он. – Действительно, – добавил он, надеясь, что она больше прислушивается к словам, чем к сомнению, звучащему в его голосе.

– Отлично, тогда обсудим это, когда ты вернешься домой. Удачи! – Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его. Он постоял позади машины, пока Мю садилась обратно, вырывалась и отъезжала.

Он помахал ей. Она помахала в ответ.

Когда он переходил дорогу, на него заудело такси. Он присмотрелся и увидел на переднем сиденье Ваню.

Она помахала ему. Он помахал в ответ.

Остановился и дождался ее.

Ему пришла в голову странная мысль, что Ваня и Мю никогда раньше не находились так близко друг от друга. Каждая в своей машине в аэропорту. Они никогда не встречались. Теперь

же он, возможно, съедется с Мю, а его ближайшая коллега и, пожалуй, лучший друг – или, по крайней мере, бывшая когда-то его лучшим другом – с ней даже не знакома. Разве это не признак того, что съезжаться рановато? Или он просто боялся их знакомить? Неужели именно поэтому ему не захотелось, чтобы Мю пошла с ним в здание аэропорта? Он был почти уверен, что Мю Ванье не понравится, и существовал большой риск, что чувства окажутся взаимными.

Проблема.

Впрочем, она, вероятно, решится сама собой. Ванья собирается в США. В том, что она отхватит одно из трех мест, Билли почти не сомневался. Сам он документы не подавал. Он убеждал себя, что не стал подавать, потому что не хочет жить три года за границей, что это не совсем его, и что ему – если он вообще соберется учиться дальше – надо делать ставку на нечто другое. Более техническое. Ближе к его сфере.

Однако это было лишь частью правды. В глубине души Билли знал, что одна из причин, почему он даже не предпринял попытки, заключается в том, что он не был уверен, как среагирует, если Ванья пройдет, а он нет.

– Привет, какой у тебя задумчивый вид, – сказала Ванья, подходя и обнимая его.

– Да нет...

В последние месяцы они почти не виделись, поскольку сперва его отстранили, потом отдел работал в режиме ожидания, и Ванья усиленно готовилась к тестам ФБР. Он почувствовал, что соскучился по ней.

– Как ты добирался?

– Меня привезла Мю.

– Ага, значит, по-прежнему Мю?

Ему только показалось или в ее голосе присутствовала капелька разочарования?

– Да.

– Здорово.

Она не поинтересовалась, когда он их познакомит.

Он не стал об этом заговаривать.

Они двинулись к терминалу.

Билли и Ванья вошли в здание и возле табло с расписанием прибытия и отправления самолетов увидели Торкеля с Урсулой. Рядом с ними стояла какая-то женщина. Молодая, лет двадцати пяти. Высокая, выше Ваньи, за 180. Длинные каштановые волосы собраны в простой хвост, узкое, продолговатое лицо, ярко-голубые, живые глаза, которые обратились к Билли и Ванье, когда Торкель поднял руку и помахал им. После приветствий и объятий Торкель повернулся к высокой женщине, которая, улыбаясь, стояла чуть в стороне.

– Это Йеннифер, о которой я говорил. Она полетит с нами.

Ванья протянула руку.

– Привет. Ванья.

– Йеннифер. Мы уже виделись.

– Да, правда?

– Да, в гравиевом карьере, в Бру. Я обнаружила сгоревшую машину, которая вас заинтересовала.

Ну, конечно. Ванья мысленно кивнула. Она не вспомнила Йеннифер, отчасти потому, что та была просто полицейским, докладывавшим им о ситуации в течение секунд тридцати, а отчасти потому, что Ванья усиленно пыталась забыть тот день. Тогда было невыносимо жарко, она мучилась похмельем, злилась и заявила Билли, что как полицейский она лучше него, что чуть не испортило их отношения и не раскололо группу. Потом они об этом поговорили – она и Билли. Начистоту. Но порой у Ваньи все-таки возникало ощущение, что они так и не вернулись к тем отношениям, которые у них были до этого дня в гравиевом карьере Бру.

– Вы нашли мальчика? – поинтересовался Билли, когда тоже пожал руку новенькой.

– Ты о чем?

– Вы разве не искали пропавшего мальчика, когда ты обнаружила машину?

– Да. Лукаса Рюда. Нашли. Он отправился в маленький поход и заблудился.

Йеннифер улыбнулась Билли. Вот человек, который в отличие от Ваньи помнит и ее, и что она делала, когда они виделись. Человек, который обратил на нее внимание. Билли улыбнулся в ответ.

Ванья отступила на шаг.

Когда Торкель рассказал, что собирается взять с собой новенькую, потенциального заместителя, Ванья не предполагала, что та окажется настолько молоденькой. Когда она улыбается, то выглядит еще моложе, отметила Ванья. Исчезают чуть суровые черточки вокруг глаз, и она производит более расслабленное впечатление. Неужели такая молодая и неопытная девушка действительно может ее заменить? Как Торкель себе это представляет?

Неужели ее роль в команде так невелика?

Разумеется, нет.

Но она собирается в США. Поэтому Йеннифер здесь. На самом деле Ванья радовалась, что Торкель уже подобрал заместителя. Это свидетельствовало о том, что он уверен в ее победе. Что ему надо заботиться о своих подопечных. По правде говоря, когда Ванья попала к Торкелю, она тоже была довольно молодой и неопытной. Хотя не столь молодой.

Из раздумий ее вырвала брошенная Урсулой фраза:

– Ну вот, спокойствию конец.

Ванья повернулась к дверям и увидела, что к ним направляется Себастиан с радостной и немного самодовольной улыбкой на губах. С улыбкой, которая несколько недель назад вывела бы ее из себя, но которую теперь она просто отметила.

– Насколько я понимаю, вы ждете меня, – сказал он, поставил чемодан и обнял Ванью. – Приятно тебя снова видеть.

– Мне тоже.

Билли смотрел на них во все глаза. Он никак не мог до конца разобраться в их отношениях. Хотя нет, одно ему было ясно: Ванья приняла Себастиана после того, как тот предложил Хинде взять его в заложники вместо нее. Это Билли понять мог.

Но существовало еще кое-что другое.

Эдвард Хинде приказывал убивать только женщин, которые вступали с Себастианом в сексуальные отношения. А Билли обнаружил, что мать Ваньи присутствовала в списке потенциальных жертв. Значит, Себастиан, несомненно, когда-то спал с Анной Эрикссон. Находясь под следствием, Билли немного покопался в этом, но особенно далеко не продвинулся. Было в принципе невозможно узнать, где и когда это в таком случае происходило, и под конец он почувствовал, что копается в грязном белье, пытаясь разузнать побольше о сексуальной жизни матери своей коллеги. Если Анна Эрикссон изменяет или изменила мужу с Себастианом, едва ли его дело в этом разбираться. Конечно, его немного занимал вопрос, так же ли по-дружески, как сейчас, Ванья стала бы относиться к Себастиану, узнай она об этом, но Билли не собирался ей ничего рассказывать. Ему не хотелось снова рисковать уже слегка подпорченной дружбой с Ваньей.

– Извините, что опоздал, – покончив с приветствиями, сказал Себастиан. – Я ждал слесаря по замкам.

– Неужели ты захлопнул дверь и не мог попасть в квартиру? – поинтересовалась Урсула, и Себастиану показалось, что она улыбается с некоторой надеждой.

– Нет. – Он снова повернулся к Йеннифер с теплой улыбкой. – Значит, тебя зовут Йеннифер?

– Да. Хольмгрен.

Коротко кивнув, Себастиан повторил ее имя. Торкель увидел, как Урсула закатила глаза, и обратился к Себастиану.

– Можно с тобой немного поговорить?

Не дожидаясь ответа, он взял Себастиана под руку и оттащил его шагов на десять в сторону.

– Я запрещаю тебе с ней спать, – тихо, но очень отчетливо сказал он, когда они оказались вне пределов слышимости.

Себастиан быстро взглянул через плечо Торкеля на остальную компанию. Йеннифер разговаривала с Билли. Урсула с неприязнью посмотрела Себастиану в глаза. Вероятно, вычислила, что говорит Торкель. Себастиан улыбнулся ей.

– Думаешь, она захочет со мной спать? – спросил он, переводя взгляд обратно на Торкеля.

– Нет, не думаю, но ты обладаешь странным талантом заманивать женщин в постель, а тут не смей даже пытаться.

– О'кей.

Торкель умолк. Встретился с Себастианом взглядом. О'кей? Сходу? Слишком легко.

У него внезапно возникло ощущение, что он, возможно, только усугубил ситуацию. Если говоришь Себастиану, что он должен делать, то он чаще всего делает прямо противоположное. Себастиан не в силах позволить кому-либо собой командовать. Может, от того, что Торкель ему запретил, Йеннифер стала его интересовать еще больше?

Риск существует.

Даже вполне вероятно, что так и есть.

– Я не шучу, – выразительно сказал он. – Я тебя сразу выставлю.

Торкель продолжал смотреть ему в глаза. Он надеялся, что радость Себастиана от того, что его снова пригласили, перевесит его потребность действовать вопреки.

– Я понимаю. Ничего не будет.

– Ладно. Хорошо.

Торкель развернулся, чтобы вернуться к остальным. Себастиан двинулся следом.

– Кстати, почему она с нами?

– Она, возможно, заменит Ваню.

Себастиан остановился как вкопанный и схватил Торкеля за руку. Чересчур крепко, чересчур резко. Он сразу выпустил руку, как только Торкель с недоумением обернулся.

– Почему? – Себастиан изо всех сил старался не проявить слишком большого удивления и заинтересованности. – С какой стати, куда денется Ваня?

– Она подала документы на учебу в ФБР.

Слова Себастиан услышал, понял, что они, собственно, означают, но не мог толком их осознать. Не хотел.

– В США? – Только и смог он выдавить.

– ФБР обычно находится именно там, да.

– Надолго? Когда же? – Себастиан чувствовал, что у него пересохло в горле. Ему показалось, что его слова прозвучали просто слабым хрипом. Наверное, потому что у него шумело в ушах. Торкель, похоже, не среагировал.

– Учеба?

– Да.

– На три года. Начинается в январе.

Торкель пошел к остальным. Себастиан остался стоять на месте. Его словно бы заклинило.

Три года.

Три года без нее.

Когда он наконец сумел с ней сблизиться.

Он услышал свое имя. Снова. Увидел, как остальные остановились на полпути к лестнице, ведущей к контролю безопасности. Они интересовались, собирается ли он лететь. Он двинулся вперед. Взял чемодан. Телом – на пути в Йемтланд, мыслями – в каком-то совершенно другом месте.

Леннарт Стрид выскочил из такси возле универмага «Оленс», напротив кафе «Болеро». Он на пять минут опаздывал и опрометью бросился к переходу, где светофор уже переключался на зеленый. Кто-то из автомобилистов сердито загудел, но он, даже не взглянув на него, побежал прямо к кафе, открыл тяжелую дверь и вошел. Внутри сладко пахло венскими булочками и молоком для кофе. Он стал оглядывать просторный зал: посетителей оказалось больше, чем он предполагал. Ей, по всей видимости, где-то между тридцатью пятью и сорока пятью. У нее два сына-подростка – вот, собственно, все, что ему известно. Чуть поодаль со своего места поднялась и посмотрела на него женщина с черной шалью на голове. Робко сделала несколько шагов вперед. Тонкие руки и ноги, темные глаза и более смуглая, чем у большинства окружающих, кожа. Это должна быть она. Она выбрала столик немного в стороне от остальных посетителей, в углу, откуда ее почти не было видно.

– Шибека?

Она слабо кивнула в ответ. Он подошел. Протянул руку.

– Здравствуйте, я Леннарт.

Она опять кивнула. Он видел, что ей явно неловко стоять в центре зала. Наверняка нервничает, заподозрил он. Ничего особенно странного. При встрече с ним большинство начинало нервничать.

– Приятно познакомиться. Не возражаете, если мы посидим здесь?

– Не возражаю, – впервые ответила она.

Вроде бы, теперь она говорила с мешышим акцентом, чем ему показалось по телефону и у нее стал немного более расслабленный вид, будто волнение слегка отпустило, когда она услышала собственный голос.

– Хотите кофе?

– Чай, пожалуйста.

Хотя она почти не смотрела ему в глаза, она производила впечатление более сильной, чем он себе представлял. Во время разговора по телефону у него возник образ более подавленной женщины. Он пошел к кассе и купил чай, обычный кофе и две булочки с корицей. Ожидая заказа, он смотрел на нее. Она опять казалась напряженной. Руки на коленях, взгляд устремлен в пол. Получив кофе и чай, он вернулся к ней. Уселся напротив и протянул ей чашку. Решил сразу перейти к делу.

– Вы нервничаете? Не надо.

– Это немного необычно.

– Я понимаю, но все просто. Я задам несколько вопросов о вашем муже, а вы постараетесь ответить. Все, что вы скажете, останется между нами.

Она кивнула и, не отрывая взгляда от стола, решила выпить глоток чая. Леннарт вынул блокнот. Щелкнул шариковой ручкой. Некоторые его коллеги записывали все интервью на диктофон, но он предпочитал блокнот и ручку. Диктофон мог заставить людей больше нервничать. Он решительно отнимал у них возможность утверждать, что их неверно процитировали, поэтому Леннарту казалось, что они начинают осторожничать, цензурировать свои высказывания. Этому ему не хотелось. Надо было составить представление о Шибеке и потенциале ее истории. Оценить достоверность ее слов и решить, стоит ли заниматься исчезновением ее мужа или это тупик. В этом году Леннарт уже попадал в ряд тупиков, и новых ему не хотелось.

– Начнем с вас, – сказал он, поднося ручку к блокноту. – Вы с мужем приехали в Швецию в конце 2001 года?

- Да. Дети тоже. Им тогда было два и четыре.
- Из Афганистана?

Шибeka посмотрела на него. Как легко у него получается. Будто они сели в самолет и несколько часов спустя приземлились в Швеции. Ее мысли на секунду перенеслись в лагерь в Пакистане, куда они бежали сперва. Повсюду вонь, толчея и детский плач. Палатки, ледяные ночью и душные днем. Хамид, убеждавший ее в необходимости оттуда выбираться. Двигаться дальше. Мужчины, которым они заплатили, чтобы те довезли их до Ирана. Жуткая поездка на грузовике через горы и каменные пустыни. Слившиеся воедино дни и недели. Единственное, что она помнила, – как сидит, притиснутая к водительской кабине, держа в объятиях Эйера и Мехрана. Боли в руках от того, что она так долго прижимала к себе сыновей, – вот, собственно, ее единственное воспоминание о бегстве. Остальное – неразбериха из разных картинок. Но более ей не забыть никогда. Она слегка вытянула руки, чтобы убедиться в том, что они больше не вернутся.

- Да. Но сначала мы приехали в Грецию. Добрались до Греции.
- Значит, вы хотите сказать, что первой страной-убежищем была Греция?

Страна-убежище. Какое слово. Одно из первых, которые она выучила по-шведски. Это первая страна в ЕС, до которой ты добрался, и первая же, куда тебя высылают перед отправкой домой.

- Но потом вы приехали в Швецию? – не получив ответа, продолжил Леннарт.

Шибeka кивнула.

- У нас были здесь друзья и родственники. Поэтому Хамид хотел сюда.
- Но политическое убежище вам не предоставили?
- Сначала нет. Было много проблем.

Она замолчала. Леннарт немного наклонился вперед. Уже сейчас может решиться, надо ли ему просто поблагодарить собеседницу и попрощаться или все-таки нет.

– Хамид, наверное, так и не получил убежище? А вам и детям его предоставили только через несколько лет. После исчезновения мужа?

Шибeka вздохнула, она уже знала, к чему идет разговор. К чему он идет каждый раз. К тому, что всегда говорили шведы в органах власти. Как она от этого устала.

– Он исчез не потому, что ему не разрешили бы остаться. И не для того, чтобы нам разрешили остаться. – Шибeka повысила голос и впервые за время разговора посмотрела Леннарту в глаза. – Вы всегда говорите, что он исчез поэтому. Но это неправда!

Леннарт рассматривал ее. Немного робкая и задумчивая женщина исчезла. Ее глаза излучали силу. Леннарту показалось, что он видит силу ее характера, и ему вдруг стала понятной ее многолетняя борьба за мужа. Перед ним сидела женщина, которая никогда не сдается, невзирая на сопротивление.

– Я этого не говорю. Но полиция и Государственное миграционное управление утверждают, что Хамид исчез после встречи в Государственном миграционном управлении, где он узнал, что вас, скорее всего, отправят обратно.

Шибeka почувствовала, что должна протестовать. Изо всех сил. Она покачала головой и сжала кулаки.

– Они не знают Хамида. Он никогда бы не оставил нас, никогда бы не допустил, чтобы его дети росли без отца. Никогда. Произошло что-то другое.

Шибeka почти с мольбой смотрела на мужчину напротив, который, немного помолчав, перестал записывать и взглянул на нее с искренним любопытством.

- Что же, вы думаете, произошло?
- Не знаю.

– Но вы считаете, что это связано с тем мужчиной? С тем, что пришел через неделю после исчезновения Хамида?

- Да.
- Вы подумали, что он полицейский?
- Он разговаривал как полицейский. Но формы на нем не было.
- Имени он не сообщил?
- Шибека посмотрела на него вопросительно.
- Сообщил?
- М-м, он не сказал, как его зовут?
- Нет.
- Значит, вы не представляете, откуда он был?
- Она покачала головой.
- Он спрашивал как полицейский.
- О чем он спрашивал?

Шибека задумалась. С чего начать? Вопросов было так много. Все крутились вокруг Хамида и его кузена. Она посмотрела на сидящего перед ней мужчину и поняла, что от ее слов сейчас многое зависит. Необходимо, чтобы он понял, что приходивший к ней домой швед в темной куртке имеет какое-то значение. Что он важен. Он что-то искал. Что-то, чего она не могла ему дать, даже если бы хотела.

– Он спрашивал в основном о Хамиде, – медленно проговорила она. – И о Саиде, его кузене. Говорили ли они, куда собираются, взяли ли что-нибудь с собой, встречались ли с кем-нибудь перед тем, ездили ли они куда-нибудь в предыдущие недели и еще... еще...

Она остановилась посреди предложения. Ее мысли постоянно возвращались к тому второму. Он и швед в темной куртке каким-то образом связаны с исчезновением Хамида. В этом она не сомневалась.

- Еще об Иосифе.
- Леннарт взял ручку и записал имя.
- Кто это?
- Не знаю. Он знал Саида.
- А Саид исчез одновременно с вашим мужем?

Она кивнула.

– Саид довольно много встречался с Иосифом. Хамиду он не нравился. Так он мне говорил.

- Но вы никогда с этим Иосифом не встречались и больше ничего о нем не слышали?
- Ничего. Я пыталась, но так его и не нашла.

Леннарта вдруг охватили сомнения. Женщина перед ним вызывала доверие. Он не видел никаких причин, зачем бы ей лгать. Она в течение долгого времени пытается выяснить, что случилось с мужем. Дольше, чем пытаются, если на самом деле знают ответ. Но хоть она и не знает, что произошло, не факт, что это дело окажется интересным для него и для редакции. Причин исчезновения может быть множество. Они могут быть печальными и трагическими для семьи, но не представлять ценности для программы с журналистскими расследованиями или для телезрителей.

Вместе с тем что-то в сидящей напротив женщине его привлекало. Что-то в этой истории не давало ему покоя. Не в рассказе женщины, ему он верил. А в реакции властных структур. Не столько в том, что они сказали, сколько в том, о чем они умолчали. Небольшое исследование, которое он провел после получения письма, не дало особенных результатов, напротив. Начал он со звонка в Государственное миграционное управление, и его, как обычно, соединяли с рядом делопроизводителей, прежде чем он нашел нужных людей. Ему подтвердили, что Хамид пропал через несколько дней после встречи с ними и что они подозревают, что он просто скрывается. Никаких свежих сведений у них не имелось, последняя запись гласила, что они ждут полицейского расследования. Запись была занесена в августе 2003 года. С тех пор

ничего не произошло, кроме того, что жена Хамида Шибек Хан и двое ее сыновей, Эйер и Мехран, в 2006 году получили вид на жительство. После этого Леннарт позвонил в полицию. Ему рассказали, что следствие пришло к заключению, что мужчина, по всей видимости, исчез в связи с предстоящей депортацией, а от дальнейших комментариев отказались. Леннарта заинтересовало, почему. Ему удалось узнать, что дело имеет гриф секретности. Именно по этой причине Леннарт Стрид и сидел сейчас с Шибеккой. Он не мог припомнить, чтобы уклонение от депортации когда-либо раньше снабжали грифом секретности.

Далее имела история о Саиде Балхи, кузене Хамида, пропавшем одновременно с ним. Он приехал несколькими годами раньше и еще в 2000 году получил вид на жительство. Держал магазинчик на площади Фридхемсплан, где Хамид иногда подрабатывал. В ночь исчезновения в 2003 году Саид позвонил домой и сказал, что выезжает. Они закрыли магазин, заперли помещение и потом просто пропали. Жена Саида через несколько месяцев ждала первого ребенка. Исчезать у него не было никаких причин. Вообще. Что-то в этой истории не сходилось. Леннарт чувствовал это все сильнее.

Он решил положиться на свой инстинкт. Хотя это потребует от редакции времени и ресурсов, изучить дело поподробнее не повредит.

– Шибекка, мы возьмем эту историю в работу. Я ничего не обещаю. Но мы, по крайней мере, начнем.

Шибекка просияла. Она подскочила и чуть не разлила свой чай.

– Спасибо! Большое спасибо!

Видя ее неподдельную радость, Леннарт не смог сдержать улыбки.

– Но помните, – сказал он. – Я ничего не обещаю.

– Я знаю. Знаю, но я так долго ждала этого.

Шибекка успокоилась, осознала, что большинство посетителей смотрит на нее, и снова села, но радость продолжала бурлить у нее внутри и не давала ей сидеть спокойно.

– О'кей, нам предстоит много работы, – продолжил Леннарт. – Мне нужен список всех ваших родственников и друзей, которые могут что-нибудь знать. Мне потребуются копии всех писем, которые вы посылали, и доверенность от вас, чтобы я мог заказать весь материал из органов власти. Потом нам надо будет сесть и обстоятельно обсудить все, что вы помните про то время, когда он исчез. Вы справитесь?

Он произнес много слов и очень быстро. Она уловила не все, но последний вопрос поняла. На него ответ она знала.

– Я справлюсь со всем, – сказала она, глядя ему в глаза, и Леннарт инстинктивно почувствовал, что это правда.

Самолет взлетел вовремя, и предполагалось, что он совершит посадку на десять минут раньше времени, указанного в расписании. Сидевший около прохода Себастиан эту информацию не уловил. Правила безопасности на борту он тоже пропустил мимо ушей. Не имел никакого представления о расчетной продолжительности полета и о погоде в Эстерсунде. Он отмахнулся от предложенных стюардессой горячих напитков и ролла с ростбифом.

Ванья уезжает на три года.

Он не мог выбросить это из головы. Это не может быть правдой. Не должно. Что делать? Он не знал, что лучше предпринять.

Поехать вместе с ней?

Или хотя бы вслед за ней?

В Стокгольме и Швеции его ничто не держит. Только Ванья. Ему хотелось находиться там же, где она. Но он понимал, что это невозможно. Поехать следом за ней в США? Она решит, что он сошел с ума. Это действительно безумие. Она с полным основанием снова начнет его избегать. Не доверять ему. Ненавидеть его. Такого допустить нельзя.

Ванья шла в его сторону от туалета, расположенного в носу самолета. Когда она поравнялась с ним, Себастиан легонько коснулся ее руки. Она остановилась.

– Я слышал, ты подала документы на учебу в ФБР?

– Да.

На мгновение Себастиан задумался, не сказать ли, что он думает. Откровенно попросить ее не ездить. Но подкрепить эту просьбу ему нечем. Он не сможет ответить на ее неизбежный вопрос: «Почему?»

– Как далеко ты продвинулась? – поинтересовался он с зарождающейся надеждой, что ей предстоит еще многое. Несколько трудных экзаменов. Сложных тестов, с которыми она, возможно, не справится.

– Я сдала оружие, физподготовку и письменные тесты, а в выходные встречалась с этим Перссоном Риддарстольпе для психологической оценки.

– Риддарстольпе идиот, – почти автоматически вырвалось у Себастиана.

– Я знаю, что ты так считаешь.

– Я не просто считаю. Он действительно идиот. Это такой же факт, как то, что Земля круглая.

Ванья улыбнулась ему.

Он любил эту улыбку.

– В любом случае, думаю, все прошло хорошо. Он даст оценку, и тогда, насколько я понимаю, остается только несколько ролевых игр.

Разумеется, прошло хорошо. Малюсенькая надежда, которую позволил себе питать Себастиан, сжалась и умерла. Разумеется, она выдержала все испытания. Разумеется, ее примут.

Она – самая лучшая.

Она – его дочь.

– Торкель думает, что я все пройду, – продолжила Ванья. – Поэтому он взял с собой Йеннифер.

– Да, он говорил.

Ванья продолжала стоять в проходе, похоже, ожидая чего-то еще.

Например, «поздравляю».

Или «удачи!».

Но ничего не последовало.

Начальник областной полиции Хедвиг Хедман ждала их в зале прибытия. Она поздоровалась и попросила прощения за то, что не смогла организовать им погоду получше. Получив багаж, они быстро проследовали за ней к ожидавшему их минивэну. Они покинули аэропорт и поехали вдоль озера Стуршён, пока не добрались до шоссе E14.

По пути к Стурюльвон Хедвиг рассказала им то небольшое, что ей было известно. Одна горная туристка вышла на выступ, который, вероятно, подмыло дождем. Часть выступа оторвалась и обнажила скелет. Прибывшие на место полицейские начали раскапывать вокруг обнаруженных останков и наткнулись еще на один череп. Когда они все закончили, оказалось, что там было шесть трупов. Хедвиг просмотрела все возможные регистры и архивы, не найдя за последние пятьдесят лет никаких заявлений об исчезновении компании из шести человек.

– Вам известно, сколько времени они там пролежали? – поинтересовался Торкель.

– Нет, они все оставлены на месте, в горах. Мы не начинали их исследовать. Ждали вас.

Урсула одобрительно кивнула. Слишком многие областные полицейские хотели показать свои способности. К чему-нибудь прийти до приезда Госкомиссии. Здесь, похоже, мыслят по-другому. Правильно мыслят, по мнению Урсулы. Поняв, что дело, наверное, слишком сложное, вызвали подкрепление сразу, а не когда зашли в тупик.

– Вам известно, как они умерли? – спросила она, встретившись с Хедвиг взглядом в зеркале заднего вида.

– Многое указывает на то, что их застрелили. Но полная уверенность появится, только когда мы их исследуем.

Йеннифер сидела в самом конце, рядом с Билли, и просто наслаждалась. У нее прямо не укладывалось в голове, как это ей так повезло. Она в минивэне вместе с Госкомиссией по расследованию убийств. Обнаружено шесть тел. Застреленных. Похороненных в горах. Это не то что стоять и контролировать скорость и разнимать пьяные драки в пятницу вечером. Ради этого она и стала полицейским. Убийцы. Версии. Сложное расследование. Погоня и напряжение. У нее внутри все клокотало. Ей хотелось поделиться новостью со всеми.

Йеннифер Хольмгрен, Госкомиссия.

Ей с трудом удавалось усидеть на месте. Билли обернулся к ней. Йеннифер знала, что улыбается, но ничего не могла поделать.

– Чему ты так радуешься?

– Я просто безумно рада, что я здесь, – ответила она как есть.

Ванья покосилась назад, на свою заместительницу. Она прямо-таки ждала, что Йеннифер закончит словами «с тобой, Билли». Они, казалось, моментально нашли друг друга. Сидели рядом в самолете, смеялись, разговаривали о твиттер-аккаунтах, на которые были подписаны, и о прочих ничуть не интересовавших Ванью вещах. Всего за несколько часов Йеннифер заставила ее почувствовать себя старой. Она опять устремила взгляд вперед. Надо все-таки взять себя в руки. Она ведь покидает группу, и, наверное, просто здорово, что Билли хорошо общается с ее заместительницей. Она не ревнует, но... это ее место. Йеннифер займет ее место. Конечно, она оставляет его по собственному желанию, но все-таки. Впервые с тех пор, как она начала эту историю с ФБР, она почувствовала, что не только куда-то отправляется, но и что-то покидает. Что-то хорошее.

Они повернули налево в местечке Энафорс. Направо перед Хандёлем. Оказались в долине, где по обеим сторонам дороги под дождем возвышались расцвеченные теплыми осенними красками горы. Дорога стала еще уже. Но вдруг перед ними распростерлась большая парковка: они у цели. Большой продолговатый дом, от которого во все стороны расходились пристройки. Одна короткая стена заканчивалась каким-то восьмиугольным, немного напоминающим силосную башню отростком. Повсюду серые крыши. На первый взгляд казалось, будто дом на восемьдесят процентов состоит из крыш. Себастиан совершенно не разбирался в архитектуре, но знал, когда что-то кажется ему уродливым. Этот дом был уродливым. Возможно, функциональным в качестве турбазы, но красивым он, черт возьми, не был.

Вся компания поспешила внутрь, где в рецепции ее встретили и приветствовали мужчина и женщина, представившиеся как Матс и Клара. Они выдали ключи, попутно обрисовав ситуацию на ближайшие дни. Остаться в гостинице можно сколько угодно, хотя на самом деле она уже закрыта. В дневное время в гостинице будет находиться персонал, чтобы готовить все к зиме. Кое-кто будет здесь жить, но в корпусе для персонала. Приедет повар, чтобы готовить ланч и ужин. Завтрак им придется брать на кухне. Возможно, появится несколько работников для проведения мелкого ремонта, но в таком случае только на день. Если им что-то понадобится или возникнут вопросы, Матс и Клара всегда к их услугам.

Было решено забросить вещи в комнаты, быстренько поесть и как можно скорее отправиться в горы, пока не стемнело. У Хедвиг имелось наготове две машины.

Оказавшись у себя в номере, Торкель положил чемодан на кровать и подошел к окну. Оттуда открывался вид на реку. Вода стояла высоко. Через стремнину вел навесной мост а за ним хорошо просматривалась протоптанная дорожка, по которой обычно направляются в горы проводящие тут отпуск туристы. Торкель был рад, что они здесь. По правде говоря, он

связывал с этой поездкой определенные надежды. В первую очередь не профессиональные, а личные. Он надеялся, что они с Урсулой опять вернутся к прежним отношениям. Возможно, пойдут дальше. Они долго жили в соответствии с тремя правилами, установленными для них Урсулой:

Только на работе.

Дома никогда.

Никаких планов на будущее.

Этим простым правилам они следовали в течение нескольких лет, и получалось вполне нормально. Но затем ситуация изменилась. Урсула пришла к нему домой. Искала его общества. Хотела его. Дома. В Стокгольме. Он расценил это как нарушение двух из трех правил, и нарушила их Урсула. На его взгляд, это все усложнило. В те немногие разы, что они за последнее время виделись или разговаривали, у Торкеля возникло ощущение, что Урсула изменилась. Не сильно, не радикальным образом, а в мелочах, в деталях. Он думал, что, быть может, дело в том, что она опасается приближения к отмене и третьего правила тоже. Возможно, ее пугает мысль об общем будущем. Самому ему только этого и хотелось, но он понимал, что первому проявлять инициативу нельзя. Все, что они делали, происходило на условиях Урсулы. Всегда. Он стремился вперед, но сейчас у них появилась возможность для отступления.

Вернуться обратно.

Снова следовать правилам.

Тогда все, несомненно, стало бы проще. Он надеялся, что они смогут вернуться обратно и уже оттуда пойти дальше. Несколько ночей в гостинице вдали от ее мужа. Отступить, чтобы иметь возможность сделать шаг вперед.

Ему хотелось этого. Он на это надеялся.

Что думала Урсула, он, как обычно, не имел представления.

После обеда, состоявшего из супа-гуляша, хлеба, кофе и шоколадного бисквита, они собрались на улице перед турбазой. Дождь усилился. Когда они шли через висячий мост к ожидавшему их на другой стороне транспорту, лило буквально как из ведра. Себастиан ненавидел дождь. Хотя он обстоятельно оделся, всего через несколько минут он почувствовал, что все равно промок до нитки. Промок и замерз.

«Плохой погоды не бывает, бывает только плохая одежда».

Так могут говорить только чертовы фанатики природы с промытыми мозгами. Это плохая погода. Чисто объективно отвратная погода независимо от того, как ты одет. Себастиан задумался, не стоит ли повернуть обратно и подождать в гостинице. На самом деле ему не обязательно осматривать место находки. Но тут они уже подошли к машинам и укрытию от сырости. Он протиснулся мимо Йеннифер и запрыгнул в машину самым первым.

Примерно через полчаса они оказались на месте.

Над останками стояла большая белая палатка. Электроагрегаты с бензиновыми двигателями снабжали энергией прожекторы, установленные снаружи и внутри палатки для работы в начинающихся сумерках. Хедвиг подвела их к мужчине лет пятидесяти, который представился как Ян-Эрик Каск. Пожав всем руки, он двинулся по глиняной каше в сторону палатки.

— Одна туристка ступила на выступ, он обрушился, и в результате мы нашли их...

Он отогнул полог палатки, и Себастиан сразу бросился внутрь. За ним последовала Урсула. Торкель остановился у входа и осмотрелся.

— Мы все тут поместимся?

— Да, должны бы. Только не подходите близко к краю, а то тоже скатитесь вниз.

Торкель, Билли, Ванья и Йеннифер зашли в палатку. Внутри было душно и сыро. Влажный воздух пронизывали лучи прожекторов, как будто полицейские оказались в инсектарии для бабочек. Зайдя внутрь, все сразу расстегнули куртки.

В центре находился прямоугольный раскоп размером примерно два на пять метров и около метра в глубину. На дне ямы более или менее в ряд лежали шесть скелетов. Два из них были значительно короче остальных. У двоих вокруг костей истлевшими тряпками свисали остатки одежды. У самого дальнего от входа скелета рука уходила за край палатки, словно он проверял, продолжается ли дождь на улице или нет. Снизу доносилось бурление воды. Ян-Эрик вошел в палатку и сел перед могилой на корточки.

– Обвал произошел вон там, – сказал он, кивая на остатки выступа в другом конце. – Женщина потащила за собой кисть и предплечье. Они у нас лежат в ящике снаружи.

Урсула утвердительно кивнула. Она сняла крышку с объектива камеры, и тот, как она и предполагала, незамедлительно запотел. Отдав камеру Билли, Урсула натянула тонкие перчатки и присела на корточки возле могилы, напротив Яна-Эрика. Себастиан и остальные выстроились по краям палатки. Это по части Урсулы. Ее шоу. Они только зрители.

– Шесть скелетов в относительно хорошем состоянии. Их аккуратно расположили рядом друг с другом, не побросали кое-как.

Говорила она громко, в одинаковой степени давая объяснения самой себе, команде и Яну-Эрику.

– Это имеет какое-то значение? – тихо поинтересовалась Йеннифер, неуверенная, можно ли внутри палатки разговаривать.

Урсула быстро взглянула на Себастиана, словно разрешая ему ответить.

– Возможно. Это может указывать на то, что человек испытывает к жертвам определенное уважение. Или что он человек очень организованный и не слишком поддается эмоциям.

– Как вы их выкапывали? – спросила Урсула, обращаясь к Яну-Эрику.

– Мы привезли маленький экскаватор.

– Их зацепило копавшей машиной?

– Ну-у, да, возможно, кого-то коснулись...

Урсула наклонилась и молча подняла бедренную кость. Ее серо-коричневая поверхность казалась чуть ли не заплесневелой. Кое-где к ней пристали земля и глина. Посреди темного налета виднелась зарубка, где просвечивала светлая, почти белая костная ткань. Экскаватор не просто слегка коснулся скелетов. Увидеть, какие повреждения появились на костях совсем недавно, было, конечно, нетрудно, но, прояви они бóльшую осторожность при раскопках, на подобное не пришлось бы тратить время и энергию. Урсула аккуратно вернула кость на место, мысленно взяв обратно все положительное, что подумала о полиции Йемерланда по дороге сюда.

Они оказались халтурщиками.

Она потянулась за камерой. Билли отдал ей аппарат. Ян-Эрик встал и повернулся к Торкелю.

– Сначала мы думали, что они старые. В смысле очень старые, – пояснил он. – Ведь здесь в горах поумирало много народу. Зимой 1718–1719 года тут насмерть замерзли более трех тысяч солдат Карла Двенадцатого. Случается, что мы до сих пор находим их останки. Нечасто, сейчас уже давненько не находили, но случается.

– Вы должны были сразу увидеть, что им не триста лет, – откликнулась Урсула, продолжая фотографировать содержимое могилы во всех мыслимых ракурсах. – У них у всех в головах пулевые отверстия.

– Мы же не могли сразу знать, что это пулевые отверстия.

Урсула с удивлением опустила камеру.

– А что бы это еще могло быть?

– Какое-нибудь круглое колющее оружие...

– Вы обнаруживаете шесть трупов с двумя круглыми отверстиями в черепках, и вам первым делом приходит в голову античное колющее оружие, а не пуля?

– Солдаты Карла ведь не из античности.

Урсула предпочла полностью проигнорировать последнее замечание. Она продолжила фотографировать.

– А много этих солдат разгуливало в гортексе? – Она опустила камеру и кивнула на два скелета, частично покрытых серо-желтыми остатками одежды.

– Этих двоих мы выкопали последними. Они лежат дальше всего от выступа. – В голосе Яна-Эрика слышалось напряжение от сдерживаемого гнева. Его терпению явно приходил конец.

Себастиан с интересом наблюдал. Урсула и раньше демонстрировала местным талантам свое превосходство, но это было жестоко даже для нее. Торкель тщательно следил за тем, чтобы они не схлестывались с местной полицией. Всегда. Это являлось одной из важных причин их столь успешной работы. Урсула это знала. Тем не менее она вправила несчастному мужику мозги.

Себастиан услышал, как стоящий рядом с ним Торкель кашлянул.

– Отдай камеру Билли, пусть он фотографирует дальше, а сама расскажи нам что мы тут видим. Пора ехать обратно.

Урсула остановилась и взглянула на Торкеля, который сделал маленький шаг вперед. Он спокойно посмотрел ей в глаза. Высказался он негромко, хорошо модулированным голосом, словно просил об одолжении, но маленький кивок в ее сторону четко давал понять, что это приказ. Себастиан даже слегка восхитился. Типично для Торкеля. Он прервал негативное развитие ситуации, Ян-Эрик наверняка посчитал, что Торкель встал на его сторону. Но, сославшись на вымышленную нехватку времени и необходимость услышать экспертизу, он не стал повышать голос и не смутил Урсулу. Билли шагнул вперед, и Урсула протянула ему камеру, а сама вновь присела перед могилой на корточки.

– Самое предварительное: четверо взрослых, двое детей. Исходя из костей таза, можно предположить, что двое из взрослых – женщины.

– Сколько времени они здесь пролежали?

– Трудно сказать. Влажно, почва глинистая, пористая, регулярно проливается дождями... Во всяком случае, более пяти лет. – Она встала и пошла вокруг могилы. – Двое, похоже, похоронены в одежде. Остальные двое взрослых и дети без нее.

– А не могла их одежда исчезнуть? – поинтересовалась Ванья. – Сгнить. Если была из другого, быстрее истлевающего материала.

– Возможно, но вокруг них не имеется никаких следов от одежды. Ни пуговиц, ни молний, ничего.

– А как ты думаешь, не могли эти четверо пролежать дольше тех двоих?

– Непохоже. Они все лежат на одном уровне. Одинаковые цветовые изменения у костей. Одинаковое расположение тел. Думаю, можно исходить из того, что их закапывали одновременно.

– Но зачем четверых раздевать, а двоих нет?

Урсула не ответила. Она опять присела на корточки и аккуратно повернула два черепа, оказавшихся немного в стороне.

– У тех четверых, что без одежды, отсутствуют зубы, – констатировала она. – Это не объясняется тем, что они, возможно, пролежали дольше.

– А из-за чего исчезают зубы?

Это опять спросила Йеннифер.

– В могиле? Они не исчезают. – Урсула встала. – Кто-то их предварительно выбил.

– Кто-то, кто хотел, чтобы их нельзя было идентифицировать? – поинтересовалась Йеннифер. Она почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она ведь поступила в полицию, чтобы добавить в жизнь приключений и драматизма. Конечно, более рутинная работа тоже приносила известное удовлетворение, но мечтала-то она именно об этом. Искать, вычислять,

обнаруживать, бросаться в бой, ловить. Она изо всех сил старалась не улыбнуться во весь рот, ее могли бы неправильно понять. Атмосфера в сырой палатке была подавленной и тяжелой.

– Это гипотеза, – кивнула в ответ на ее вопрос Урсула.

Себастиан большую часть времени промолчал. Теперь же он решил выйти из палатки. Ему захотелось на улицу. Внутри стало слишком душно. Трудно дышать. Даже дождь казался предпочтительнее.

Он отогнул полог и вышел. Дождь почти прекратился. С севера дул холодный ветер. Себастиан застегнул куртку и несколько раз глубоко вдохнул.

Шесть трупов. Двое детей. Судя по всему, казненных. В его времена Госкомиссия редко работала с убитыми детьми, хотя порой доводилось. Это всегда давалось им тяжелее других расследований. Убить ребенка решится далеко не каждый. Уже это говорило о том, что они имеют дело с очень специфическим преступником. А уж выбить им потом зубы...

Шесть человек, лежащих в могиле, явно не первые, кого он убил.

И не последние.

Себастиан был в этом уверен.

Леннарт расхаживал взад и вперед по открытому офисному пространству, представлявшему собой сердце «Журналистских расследований». Редакция сидела здесь уже более десяти лет и на сегодняшний день состояла из двадцати с лишним человек. Они теснились на втором этаже бетонного здания телецентра в одном из центральных районов Стокгольма. У их ближайших соседей – редакции культуры людей было меньше, а помещение больше, и некоторые имели даже такую роскошь, как собственный кабинет. У Леннарта раньше тоже был кабинет – до тех пор, пока два года назад их не возглавил Стуре Лильедал, который первым делом велел снести все перегородки, чтобы «дать волю креативности и спонтанным идеям». По его словам, ему хотелось поощрить обмен информацией и сотрудничество, но Леннарт знал, что на самом деле ему просто требовалось втиснуть максимум сотрудников на минимальную площадь. Теперь все сидели в одной большой комнате за повернутыми друг к другу столами. Леннарт это ненавидел. Он хотел разговаривать по телефону и работать над текстами без постоянных помех. Когда он пожаловался, то услышал от Стуре, что он консервативен и должен развивать социальную компетентность. Сам Леннарт считал желание, чтобы тебя оставили в покое, вполне нормальным. Вдобавок ко всему, сам Стуре по-прежнему сидел в собственном кабинете, созданном из двух маленьких комнат. Он даже установил толстую стеклянную перегородку и новый конференц-стол, благодаря чему мог проводить все встречи обособленно и наблюдать за редакцией, имея возможность их не слышать. Такие слова, как «обмен информацией», «социальная компетентность» и «сотрудничество» явно относились не ко всем. Но ведь он начальник. А для них всегда существуют другие правила.

В данный момент Стуре беседовал с восходящей звездой Линдой Андерссон – талантливой тридцатилетней журналисткой, ранее работавшей в газете «Экспрессен». Эти двое, казалось, никогда не закончат, и Леннарт не понимал, чего ради встреча продолжается так долго. Когда он, запыхавшись, примчался обратно из кафе, то сразу попросил у Стуре разрешения поговорить с ним. Сказал, что получил важную информацию, и поинтересовался, найдется ли у Стуре для него время. Тот пообещал.

Чуть позже.

Не сейчас.

Сначала ему предстояло совещание за ланчем, затем встреча с директором программы, а после нее – просмотр программы, которая пойдет в эфир в следующую среду.

Но после этого, пожалуйста.

«После этого» в его кабинете оказалась Линда. Она перехватила Стуре, едва тот вернулся в редакцию, и они все еще разговаривали.

Леннарту вдруг очень захотелось покурить, и он быстро сунул в рот никотиновую жевательную резинку с искусственным фруктовым привкусом. Курить он бросил больше двух лет назад, но часто испытывал внезапную потребность в сигаретах, особенно в случае стресса или скуки. Сейчас в какой-то степени присутствовало и то и другое. Изначальная энергия, которую он ощущал после встречи с Шибекой, сменилась беспокойством. Он видел, как они смеются за стеклянной стенкой. Леннарт никогда не понимал Стуре. Когда тот ему не был нужен, он набрасывался на него, как ястреб, но как только с ним действительно требовалось поговорить, вечно повторялось одно и то же.

Чуть позже.

Не сейчас.

Леннарт устало сел за свой письменный стол. Взял наполовину остывший кофе и отпил глоток. Не слишком вкусно. Может, стоит проверить электронную почту, будет хоть какое-то занятие. Как только он включил компьютер, дверь у Стуре открылась. Похоже, они наконец закончили. Линда забрала их со Стуре кофейные чашки и сложила свои бумаги. Стуре, стоя у двери, вяло помахал Леннарту рукой. Наконец-то. Король дает согласие на аудиенцию. Леннарт кивнул в ответ, перелистал несколько бумаг, изображая занятость, встал и медленно двинулся в его сторону. Особого рвения ему изображать не хотелось, чтобы Стуре не подумал, будто он стоял в полной готовности и просто ждал. Нет, он тоже занятой человек. Очень занятой.

По дороге он выплюнул жевательную резинку. К сожалению, промахнулся мимо урны, и ему пришлось оборачиваться и наклоняться, чтобы ее поднять. Стуре следил за ним взглядом, и Леннарт ясно осознал, что вступление в королевские покои могло бы произойти немного более внушительно.

Начиналось все хорошо. Стуре Лильедадь сидел за столом напротив него и слушал с интересом. Даже ни разу не перебил. Леннарт, сам того не желая, испытывал гордость. Похоже, на этот раз он вышел на что-то стоящее. Когда он закончил представление материала, Стуре наклонился вперед, пристально глядя на него.

– Насколько нормально присваивать гриф секретности делам о депортации?

– Полицейский, с которым я разговаривал, раньше с таким не сталкивался. Во всяком случае, при работе с рутинными делами, – ответил он.

– Значит, мы имеем двух афганцев, исчезнувших в августе 2003 года, – подвел итог Стуре. – Полиция называет это уклонением от депортации. Но, по крайней мере, у одного из мужчин никаких причин исчезать не было. Как его зовут?

– Саид Балки. Он получил вид на жительство в 2001 году, и у него жена ждала ребенка.

Стуре подошел к большой белой доске, висевшей у него за спиной. Помимо стеклянной стенки, он сразу обзавелся этой доской и очень любил все на ней записывать красным маркером. Леннарт считал, что благодаря этому он чувствует, что держит ситуацию под контролем. Его записи, на его доске, чтобы все видели. Он нацарапал «Саид».

– Что еще нам известно о Саиде?

– Почти ничего. Только то, что рассказала Шибека. Он приходился Хамиду двоюродным братом. Владел магазином вместе с двумя кузенами жены. Я собирался в качестве следующего шага попытаться с ней поговорить.

– Ничего криминального?

– Я ничего такого не обнаружил.

Стуре кивнул.

– Ладно. Еще у нас есть Шилека... ее так зовут?

– Шибека. Это мой контакт. Я встречался только с ней.

– Но ее сведения производят достоверное впечатление?

– Весьма. Она хорошо говорит и пишет по-шведски. Я не представляю, зачем бы ей лгать. Она с 2003 года пытается узнать, что случилось с Хамидом.

– И по ее мнению, что-то не сходится. На чем она основывается?

– Говорит, что, с одной стороны, Хамид никогда бы не исчез, не предупредив ее, а с другой – есть еще этот мужчина, который приходил к ней домой через двенадцать дней после их исчезновения с вопросами о Хамиде.

– Она полагает, он был из полиции?

– Или, по крайней мере, из каких-то органов власти.

– Хотя был в штатском?

Леннарт кивнул.

– Расспрашивал о родне Хамида, его друзьях и обо всем прочем.

– А описать его получше она не в силах? – спросил Стуре со слегка скептическим видом.

– Нет. Швед, лет сорока. Она считает, что все шведы выглядят более или менее одинаково.

Прежде чем продолжить, Леннарт просмотрел свои записи.

– Полицейские, с которыми она разговаривала, сказали, что никого на той неделе к ней не посылали. В полиции Сольны это вчера подтвердили.

Стуре посмотрел на него. Явно пришло время для скептицизма.

– А может, Хамид был замешан в чем-нибудь, о чем жена не знала? В каком-нибудь криминале. В какой-нибудь... сети. Существует тысяча возможностей.

– Конечно, такое возможно. Но в начале двухтысячных было какое-то специфическое время. Ты, наверное, помнишь депортацию в Египет в две тысячи втором?

Стуре кинул на него злобный взгляд. А как он думает? Что ему неизвестна главная горячая новость конкурирующего канала, принесшая тому «Золотую лопатку»⁶?

– Может быть, здесь нечто подобное, – продолжал Леннарт. – Тогда двоих подозревавшихся в терроризме мужчин по заданию ЦРУ молниеносно выслали в Египет. В тот раз были замешаны и СЭПО⁷, и Министерство иностранных дел.

Стуре немного помолчал. Интересная версия. Не самая правдоподобная, но в принципе возможная.

– Значит, по-твоему, что-то утаили под прикрытием уклонения от депортации?

– Уклонения от депортации с грифом секретности, – поправил Леннарт.

– А этот Иосиф, о котором говорила Шибек, что нам известно о нем?

Леннарт покачал головой.

– Ничего. Но Шибек его имя запомнилось. Хамид явно называл его перед самым исчезновением. Правда, больше она ничего не знает.

Стуре написал на доске «Иосиф» и поставил после имени вопросительный знак. Он сел и задумчиво посмотрел на Леннарта.

– Вообще-то у нас слишком мало сведений. Сконцентрируйся на полицейском отчете. Это единственный имеющийся у нас объективный факт. Узнай, почему он засекречен.

Леннарт кивнул ему и улыбнулся. Во время встреч со Стуре он улыбался не особенно часто.

– С этого я и собирался начать.

Очевидно, вид у него был слишком довольный, поскольку Стуре наклонился над столом и устремил на него пристальный взгляд.

– Я хочу, чтобы ты подключил к расследованию Линду.

Улыбка Леннарта сразу погасла. Как раз этого ему хотелось избежать – вмешательства.

⁶ Главная премия, присуждаемая шведским журналистам за журналистские расследования.

⁷ Шведская служба безопасности.

– Но она, наверное, и так по уши занята делом Государственного управления рынком труда? – попытался он. – Мне уже немного помогал Андерс, можно, я обращусь к нему, если увижу, что не справляюсь?

– Леннарт, нам необходимо узнать, есть тут что-нибудь или нет. Я снабжаю тебя ресурсами, чтобы это проверить, а Линда толковая, – любезно сказал Стуре.

– Понимаю, – ответил Леннарт, – но мне хотелось бы еще немного покрутиться самому. Ты ведь знаешь, что я предпочитаю работать...

Стуре кивнул, но не сдался. Это было не в его стиле.

– Могу я предложить компромисс? Ты расскажешь Линде, что тебе известно, и она будет помогать тебе со сбором материала. Но в поле работать будешь ты. Ты руководишь. О'кей?

Леннарт посмотрел на него в упор. «Руководжу тут не я, – подумал он, – а ты». Но что он мог сказать. Бал правит Стуре. А его, Леннарта, заменить можно.

– Звучит хорошо, – ответил Леннарт и опять улыбнулся.

Правда, на этот раз улыбка выглядела вымученной.

Когда они вернулись в гостиницу, уже стемнело.

Вернулись все, кроме Урсулы, оставшейся, чтобы провести техническое обследование и руководить работой по перемещению трупов. Торкель предлагал остаться с ней, но она отказалась. Он и правда ничем там особенно помочь не мог. Однако, благодаря своей политической власти внутри организации, в одном деле он мог пригодиться. Трупы, обнаруженные в лене Йемтланд, по правилам следовало отправить в судебно-медицинскую лабораторию города Умео, но Урсуле хотелось, чтобы Торкель попытался переправить их в Стокгольм.

Оказалось, что сказать легче, чем сделать. Получилась небольшая война на два фронта. Судебные медики в Умео восприняли это как вотум недоверия, а их коллеги в Стокгольме ясно дали понять, что и так не испытывают недостатка в работе и им не хватает только лишних шести трупов. Если Торкелю каким-то образом все-таки удастся добиться переправки трупов, то он не может ожидать, что ими займутся в первую очередь. На более высоком уровне в организации тоже усомнились, что его требование принесет пользу. После десятка звонков Торкелю пришлось признать, что ничего не получится, игра не стоит свеч. Пусть отправляют в Умео. Урсуле придется просто-напросто с этим смириться. Он сообщит ей об этом, когда она вернется. Хотелось бы надеяться, что с глаз на глаз. У него в номере. Или у нее.

Переходя через мост к турбазе, они увидели, что восьмиугольная пристройка, где располагался ресторан, уютно и заманчиво светится. Матс с Кларой встретили их в рецепции и спросили, когда они хотят ужинать. Все договорились на полчаса разойтись по комнатам, а потом собраться в ресторане.

Жили они в номерах, которые Матс и Клара называли комфортабельными. Торкель предположил, что так оно и есть, если под комфортом подразумевать двухъярусную кровать, тряпичный половик, примитивные фанерные шкафы без дверей и собственный душ с туалетом. Сам он считал, что номер выглядит как самая обычная комната на турбазе.

Приняв горячий душ, Торкель встал перед зеркалом с маникюрными ножницами в руках, протер запотевшую поверхность и принялся удалять нежелательные волоски. Правая ноздря явно нуждалась в обработке. Он ненавидел длинные волоски, которые в последние годы начали появляться в местах, где он определенно не хотел их иметь. Мало вещей заставляло его чувствовать себя таким старым, как не лишённые злорадства замечания дочерей, что ему необходимо опять подстричь уши. Зазвонил телефон. Торкель вышел из ванной и ответил.

Звонили из газеты «Экспрессен». Аксель Вебер. Правильно ли он понял, что Госкомиссия находится в Йемтланде? Торкель подтвердил, сознавая, что теперь это получит широкую огласку в СМИ. Вебер – толковый журналист, а участие в расследовании Госкомиссии автоматически привлекает больше внимания. Веберу хотелось знать, почему они там. Что там обна-

ружили? Или, вернее, может ли Торкель подтвердить, что обнаружено массовое захоронение? Торкель подтвердил, что они нашли некоторое количество трупов, пролежавших там долгое время. Высказывать предположения относительно сроков он не намерен, поскольку им неизвестно. Но долго.

Возраст, пол, точное количество, версии и возможный мотив – вдаваться в такие подробности или выдавать их прессе Торкель не хотел. Когда относительно короткий разговор был окончен, Вебер знал не больше, чем когда позвонил.

– Вы ведь понимаете, что я все равно обо всем узнаю, – закончил он, и Торкель готов был поклясться, что слышит, как журналист улыбается на другом конце провода.

– Не от меня.

Торкель положил трубку. Вебер, скорее всего, сказал правду. Кто-то в окружении Хедвиг Хедман явно уже выдал сведения и, наверное, продолжит их выдавать. Представляющие ценность для СМИ дела в настоящее время практически невозможно сохранять в тайне. Необходимо сейчас же ограничить информационный поток. Возможно, даже в направлении Хедвиг. Заявление в департамент канцлера юстиции свидетельствует о том, что ее окружают не самые лояльные сотрудники, или же – что она как начальник не способна трезво оценивать ситуацию. И еще она вызвала Госкомиссию. Некоторые местные полицейские всегда расценивают такие действия как неуважение. Таких становится все меньше, в большинстве своем они с благодарностью принимают экспертизу и дополнительные ресурсы, привозимые Госкомиссией, но в каждом провинциальном участке один или несколько человек обязательно почувствуют себя обиженными. Вероятно, надо исходить из того, что из полиции Эстерсунда информация просачивается как через сито.

Торкель незамедлительно позвонил Урсуле. Ей стоило попросить коллег на горе проявлять дополнительную осторожность. Маловероятно, что кто-нибудь отправит туда в темноте фотографа, чтобы взглянуть на могилу и трупы, но наверняка знать нельзя. Случались и более странные вещи.

– Удалось договориться насчет судмедэкспертизы? – спросила Урсула под конец разговора.

– Обсудим это, когда ты приедешь сюда, – уклончиво ответил Торкель.

– Значит, повезут в Умео.

Торкель задумался. Он мог бы солгать, сказать, что продолжает этим заниматься, но он ничего на этом не выиграет. Ему все равно не изменить того факта, что трупы повезут в Умео.

– Да. Я пытался, но ничего не получилось. Когда ты приедешь? – продолжил он, чтобы помешать ей слишком долго размышлять над неприятным известием.

– Я почти готова, возможно, еще часок.

– Я прослежу за тем, чтобы тебя ждал горячий ужин.

– Хорошо.

Урсула положила трубку. Отсутствие заключительного «пока» не обязательно означало, что она рассердилась. Возможно, разговор помешал ей, и она просто торопилась вернуться к работе. Торкель предпочел остановиться на последнем и вернулся обратно в ванную.

Рагу из дичи, жареная картошка, салат и брусничный соус. Затем белый шоколадный мусс.

Они как раз перешли к десерту, когда по лестнице в часть ресторана, именуемую «Чердаком», поднялась Хедвиг Хедман. После короткого приветствия она положила перед ними на стол папку.

– Думаю, что двоих мы, возможно, уже идентифицировали. Тех, что с одеждой, – уточнила она.

Торкель открыл переданный ему материал. Сидевшая рядом с ним Ванья наклонилась вперед. Билли и Йеннифер, сидевшие напротив, встали и обошли вокруг стола, чтобы смот-

реть через плечо Торкеля. Себастиан остался сидеть на месте. Он предположил, что начальник областного полицейского управления сопроводит материал устным комментарием. И не ошибся.

– В ноябре 2003 года поступило заявление об исчезновении двоих голландцев. Яна и Фрамке Баккероу из Роттердама. По словам заявителя, они собирались начать поход в Осене, в Норвегии, 27 октября и закончить неделей позже в Володалене. Оба очень опытные туристы. Мы искали их вплоть до первого снега, который в тот год выпал 18 ноября.

– Какие есть основания думать, что это они? – спросил Торкель, отрываясь от материала. – Кроме них, здесь никто не пропадал?

– Пропадали, но они единственная пара, пропавшая в этом регионе. Кроме того, заявитель сообщил, что они путешествовали в серой одежде с желтыми деталями.

Хедвиг наклонилась и перелистала материалы вперед до пластикового файла, находившегося за последней страницей папки. В нем лежала фотография мужчины и женщины лет тридцати, снятых на какой-то покрытой снегом вершине. Возможно, в Альпах. Оба в солнцезащитных очках, загорелые, с обветренными лицами. У женщины пышные рыжие волосы, собранные в хвост. Мужчина практически лысый. Оба улыбаются в камеру и держат пальцы буквой V. Одеты в плотные серые комбинезоны с желтыми деталями.

– На вид хорошо совпадает с остатками одежды в могиле, – кивнула Ванья, увидев снимок.

Торкель согласился. Несомненно, совпадает. Надо показать Урсуле, когда она вернется.

Двумя часами позже они сидели в одном из небольших конференц-залов турбазы. Не будь на улице темно, из окон открывался бы потрясающий вид на окрашенный в приглушенные осенние тона мир гор. Теперь же в окнах они видели только собственные отражения. Из-за света четырех мощных люминесцентных ламп лица казались более бледными и измученными, чем на самом деле. Благодаря стоявшим на столе кофейным чашкам, термосу и бутылкам минеральной воды все чувствовали себя в знакомой обстановке. Всем, кроме Йеннифер, уже многократно доводилось сидеть в подобных помещениях. Открывавшийся из окон вид был скрыт в темноте, и они будто бы находились в самой обычной переговорной.

Билли уже распечатал фотографии могилы и теперь прикреплял их магнитами к белой доске.

– Будем исходить из того, что мы нашли голландцев, – сказал Торкель. – Если это так, то у нас есть приблизительное время убийств. Но необходимо удостовериться. Ванья, свяжись с голландской полицией и узнай, не можем ли получить зубные формулы, рентгеновские снимки, что-нибудь, что поможет их идентифицировать.

Ванья кивнула и приняла протянутую ей Торкелем через стол папку.

– Откуда они прибыли?

Все перевели взгляды на Себастиана, который встал и, не торопясь, подошел к доске с фотографиями.

– М-м, из Голландии... из Роттердама.

Себастиан устало посмотрел на Билли.

– Вот как, голландцы приехали из Голландии. Спасибо, я бы никогда не догадался.

Билли набрал воздуха, словно собираясь ответить, но передумал и опять немного сторбился на стуле.

– Я имел в виду вот этих. – Себастиан постучал пальцем по одному из снимков. – Шесть человек. Раздеть четверых и выбить им зубы – это требует времени. Неужели он потом рыл могилу глубиной почти в метр, оставив шесть трупов преспокойно лежать рядом?

– Может, он сперва вырыл могилу. – Билли слегка выпрямился, мечтая о реванше.

Себастиан посмотрел на него еще более усталым взглядом.

– А эти шестеро стояли рядом и ждали, пока он закончит?

– Нет...

– Именно. Не имеет значения, в каком порядке он это проделал. Убили их, по всей видимости, не там. Так откуда они прибыли?

Группа дружно закивала. В каком-то смысле они все это знали, но никто не озвучивал. Действительно, это – место обнаружения, но не обязательно или даже, скорее всего, не место убийства. Если же его определить, то сразу повысится шанс найти какую-нибудь зацепку. Билли отодвинул стул.

– Я принесу из рецепции карту.

Он быстрым шагом покинул комнату. Себастиан вернулся на место и сел напротив Урсулы. Откинувшись назад, он уперся в нее взглядом. Она явно это почувствовала, поскольку подняла глаза и посмотрела на него в упор.

– В чем дело?

– Ты сердишься?

– Нет.

– У тебя сердитый вид.

– Вовсе нет. Пока. – Она устремила на него многозначительный взгляд, который он предпочел не понять.

– Ты кажешься сердитой и усталой, – продолжил он. – Измученной.

– Себастиан... – неправильно понять тон Торкеля было нельзя. Он означал «прекрати». Себастиан повернулся к нему и всплеснул руками.

– Что такого? У нее измученный вид. Первый день, а она выглядит как развалина. Я просто интересуюсь, как она себя чувствует.

– Почему же ты так и не спросил? – поинтересовалась Урсула. – Как я себя чувствую, вместо того чтобы говорить, что у меня сердитый вид?

– Извини. Как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, хорошо. А ты как себя чувствуешь?

Ответить Себастиан не успел, поскольку распахнулась дверь и вошел Билли с картой окрестных гор. Он разложил ее на столе. Все придвинулись поближе. Кроме Себастиана. Он опять надеялся, что сможет послушать обсуждение коллег.

– Тела обнаружили здесь, – сказал Билли и нарисовал на карте крестик.

Все молча смотрели на карту. Искали одно и то же. Не находили.

– Никаких зданий. Никаких укрытий от ветра. Никакого леса. Никаких защитных строений поблизости, – подвела итог Ванья с некоторым разочарованием в голосе.

Все опять распрямились. Билли взял карту со стола и прикрепил ее к стене.

– Судя по точности попаданий, убийца действовал достаточно собранно, – вставила Урсула. – Эффективно. Неужели он стал бы рисковать оказаться обнаруженным?

– Это происходило в октябре, – сказал Билли. – Турбазы были закрыты. Народа почти нет. Наверное, он рискнул.

– Или же оказался, – тихо произнесла Йеннифер.

До сих пор она в основном сидела молча и только слушала, но уже некоторое время размышляла. Начиная с ужина, когда Хедвиг пришла с голландцами, но никак не решалась что-нибудь сказать. Она полагала, что если думает правильно, кто-нибудь из группы придет к тому же выводу. Но пока никто не изложил ее теории. Она быстро еще раз прокрутила ее в голове. Вроде не полная глупость. Была не была.

– Обнаруженным, – наклоняясь вперед, уточнила Йеннифер уже более уверенно. – Эти двое в одежде, которых мы, вероятно, сможем идентифицировать, – голландцы. Возможно, они проходили мимо и оказались свидетелями.

Все промолчали, но Торкель заметил, как Урсула и Ванья кивнули. Он посмотрел в сторону Йеннифер. Неплохая теория. Вовсе не плохая. Торкель был доволен. Ею, но и самим собой. Независимо от того, окажется теория соответствующей действительности или нет, рассуждение показывает, что Йеннифер мыслит правильно. А это, в свою очередь, показывает, что он сделал правильный выбор.

– Если мы немного разовьем эту версию, – нарушил молчание Торкель, – то, значит, четверо без одежды являются изначальными жертвами, на которых нам следует сосредоточиться. Мы знаем о них что-нибудь еще? – обратился он к Урсуле, которая покачала головой.

– Двое взрослых, мужчина и женщина. Два ребенка, пол определить невозможно. Если они были нормального роста, то предположительно от пяти до восьми лет.

Себастиан устало потер глаза. Он встал, прошел вокруг стола к окнам и открыл одно из них. Оперся о подоконник и жадно глотнул холодного, чистого вечернего воздуха. Как он себя на самом деле чувствует? Честно говоря, не очень хорошо. По крайней мере, не так хорошо, как предполагал. Он ждал этого с нетерпением.

Мечтал.

Даже более того: нуждался в этом.

Проводить время с Ваньей. Снова работать с ней. Сблизиться с ней. Узнать ее. А она собралась уехать. Покинуть его. Перерезать единственный имевшийся у него маленький спасательный трос к чему-то, напоминающему пристойную жизнь.

И вдобавок двое мертвых детей.

До сих пор поездка была чертовски поганой.

– У пары жертв видны повреждения на ребрах, что может указывать на то, что им сперва выстрелили в грудь, а затем в голову, – продолжала Урсула. – Это подтверждает тезис о том, что убийца привычен к оружию. Сначала самая крупная мишень...

Себастиан покосился на Йеннифер. Вообще-то она молода для него минимум лет на пятнадцать, но она, несомненно, могла бы сделать его пребывание здесь немного более приятным. Но Торкель вышвырнет его, если он хотя бы приблизится к ней. Достаточно один раз угостить ее пивом в баре и поболтать, чтобы вызвать укоризненные взгляды. Если он хорошо знает Торкеля, тот будет караулить в коридоре, словно они на школьной экскурсии.

– А это семья? – поинтересовался Билли.

– Такая мысль напрашивается, – кивнула Урсула, – но мы не знаем. Ответ на этот вопрос нам даст анализ ДНК.

С другой стороны, что такого, если придется уехать домой? В отсутствие Ваньи зачем ему оставаться? Дело только вгоняет в депрессию, и пока оно относительно неинтересное.

– Будем исходить из того, что все попали в могилу одновременно. Хедвиг проверяла: за весь 2003 год больше никаких заявлений об исчезновении не поступало. – Торкель оторвал взгляд от бумаг. – А заявлений о пропаже детей вообще никогда не было.

– Закрой, пожалуйста, окно, холодно.

Себастиана отвлекли от размышлений. Ванья требовательно смотрела на него. Он кивнул, закрыл окно и вернулся на место. Ванья не уехала. Пока. Она здесь, в той же комнате. Три месяца она будет продолжать работать. Три месяца он сможет находиться рядом с ней. Эти бесценные дни нельзя подвергать риску, заигрывая с женщиной, которая, скорее всего, все равно не ляжет с ним в постель. Он решил притвориться, будто обсуждение дела его интересует.

– Билли, узнай, нет ли какого-нибудь заявления о том, что в период вокруг исчезновения голландцев кто-то покинул гостиницу, не оплатив, – сказал Торкель. – Проверь, не сообщали ли об отбуксировании брошенных машин, не находили ли на горе инвентарь для активного отдыха или нечто подобное. Ведь они могут не значиться среди пропавших потому, что их сочли просто сбежавшими.

Билли кивнул.

– Если хочешь, я могу тебе помочь, – предложила Йеннифер.

– Отлично, – ответил Билли с улыбкой. – Спасибо.

Ванья посмотрела на них. Черт, как быстро происходит замена. Впрочем, все правильно. Это расследование может растянуться на месяцы и стать для нее последним. Внезапно она поймала себя на мыслях о том, как здорово это будет.

Комната, кофе, белая доска, фотографии, теории.

В данный момент она чувствовала, что немного все это переросла.

Настала пора идти дальше.

Делать следующий шаг.

Развиваться.

Но пока надо сосредоточиться на деле.

– Вполне возможно, что никто не знал, что они вообще здесь были, – произнесла она и немного выждала, чтобы привлечь общее внимание. – Я имею в виду, что им не обязательно было оставлять после себя какие-нибудь следы. Они могли приехать на поезде и ходить по горам с палаткой. Никаких ночевки в гостиницах. Никаких машин.

– Но, черт возьми, где-то об их исчезновении все равно должны были заявить, – возразила Урсула. – Кто-то же должен был их хватиться.

– Ванья, проверь исчезнувшие семьи с двумя детьми за осень 2003 года по всей стране. Возьми Норвегию тоже.

– О'кей.

– Мы не знаем, семья ли это, – продолжила Ванья. – Это могут быть двое взрослых каждый со своим ребенком. Или мама с детьми и ее второй муж. А отец детей, возможно, из числа ревнивцев, имеющих оружие...

Себастиан видел, как Ванья едва заметно бросила взгляд в сторону Йеннифер. Он улыбнулся про себя. Йеннифер выдвинула теорию, согласно которой голландцы оказались проходившими мимо свидетелями. Хорошую теорию. Но раз Йеннифер проявила себя хорошо, то Ванье требовалось быть лучше. Самой лучшей.

Типично для Ваньи.

Типично для его дочери.

– Ладно, расширим поиск до пропавших детей или до пропавших с детьми, – сказал Торкель. – Так уж много их быть не может. В первую очередь осень 2003 года. Исходим из того, что в могилу они попали одновременно.

Сделать намного больше они в настоящий момент не могли. Казалось, что Стокгольм они покинули давным-давно. Все устали, им требовалось поспать. Торкель собрал свои бумаги.

– Остановимся на том, что эти четверо, все равно семья они или нет, ходили по горам с палаткой. Кто-то проходил мимо и застрелил их. Когда он их закапывал, появились двое голландцев, и ему пришлось их тоже убить. Считаем ли мы, что над этой теорией стоит работать?

Все закивали и стали собирать вещи. Это совсем не обязательно правда, но некая основа для работы. Как всегда, придется подстраиваться и вносить коррективы в зависимости от того, к чему они придут в ходе расследования.

– Но тут что-то не так, – произнес Билли.

Все прекратили собираться и опустили обратно на стулья.

– Что именно? – с заметной усталостью в голосе поинтересовался Торкель.

– Почему он позволил нам идентифицировать голландцев, а остальных нет?

– Остальные четверо разоблачают убийцу, – почти наставительно сказал Себастиан. – Господи, сколько ты уже лет в полиции? Ничто в этом деле не указывает на то, что преступление совершено в приступе безумия, что их выбрали случайно. Кто-то вышел на гору с оружием и расстрелял этих четверых. – Он обратился к Урсуле: – Он использовал пистолет или ружье?

– Пока сказать невозможно. Посмотрим, к чему придут в Умео.

Сказав это, она бросила быстрый взгляд на Торкеля, которому показалось, что она сделала на слове «Умео» дополнительное ударение. Он почти не сомневался в том, что этой ночью останется без компании. Но они еще пробудут здесь какое-то время...

– Все равно, – продолжил Себастиан, вставая. – Наш убийца знает, что, когда установят личности этих четверых, риск его попадания за решетку увеличится.

– Да, я знаю, но голландцы дают нам довольно точные временные параметры, – настаивал Билли, не желавший так просто сдаваться. – Они помогут нам идентифицировать остальных.

Быстро обдумав аргумент, Себастиан посчитал, что в нем что-то есть, но уступать победу Билли он не собирался. Сейчас. Он пожал плечами, чтобы умалить ценность сказанного.

– Либо он совершил ошибку, и тогда нам повезло, либо время захоронения нам абсолютно не поможет.

– Должно помочь. Сколько семей с детьми исчезло в октябре 2003 года?

– Пока мы знаем, что нисколько.

– Ладно, остановимся на этом, – сказал Торкель и встал, чтобы придать словам веса. – Сегодня мы дальше не продвинемся, у нас есть, с чем работать завтра. – Он обвел взглядом остальных коллег. – Главный приоритет – идентификация тех четверых. Не зная, кто они, мы не сможем распутать это дело.

Открывая входную дверь на Грев-Магнигатан, Эллинор бросила взгляд на часы. Поздно. Уже далеко перевалило за одиннадцать. Она надеялась, что Себастиан еще не спит. Когда она вошла, лампы на лестнице автоматически зажглись. Эллинор покосилась на лестницу, но решила поехать на лифте. На сегодня она уже достаточно постояла и походила. Работала до закрытия. До 21.00. Она часто задавалась вопросом, зачем держать универмаг открытым так поздно, но сегодня, на неделе после зарплаты, народу было много все время. Закончив работу, она прошла до Вестманнагатан. До своей старой квартиры. Эллинор думала о ней именно так. Старая квартира. Дёма – это у Себастиана.

Беспокойство и злость, которые она более или менее вытесняла весь день, вернулись. Утром он говорил необычно жестко.

Нет, не жестко. Зло.

«Домработница, которую он трахает».

Гадкие, ужасные слова. И еще эта мерзкая история о какой-то Гунилле. Некоторое время она подумывала слегка побаловать его по приходе домой. Поворковать и все сгладить, вернуть ему хорошее настроение. Ссориться ей не нравилось. Но на этот раз он зашел слишком далеко. Мириться и просить прощения должен он, не она. Поэтому она весь день ему не звонила. Это было необычно, и она несколько раз уже бралась за трубку, но удерживалась. Пусть знает, что он ее обидел. Ее молчание послужит ему наказанием.

Она задвинула за собой решетку и нажала в лифте на тройку.

На старую квартиру ушло больше времени, чем она планировала. Поднимаясь вверх, она встретила вдову Линдель с третьего этажа. Та, естественно, стала приставать с расспросами. Где же Эллинор сейчас обитает? Ее ведь совсем не видно. На самом деле Эллинор поехала туда, только чтобы полить цветы и удостовериться в том, что пакет с материалами о Вальдемаре Литнере по-прежнему на месте, но вдова Линдель настояла на том, чтобы угостить ее чаем. Действительно настояла. Хотя времени у нее в общем-то не было, Эллинор все-таки подумала, что будет приятно рассказать о своей большой любви, о знаменитом Себастиане Бергмане. Тот факт, что они как раз сегодня поссорились, она предполагала опустить. Какие пары не ругаются? Никакие отношения не состоят из одних праздников.

Сорока пятью минутами позже Эллинор открыла дверь в свою старую квартиру. Она видела, что ее рассказ произвел на Линдель впечатление, хотя та пыталась это скрыть. Она

даже долго притворялась, будто не знает, кто такой Себастиан, но Эллинор ей ни на секунду не поверила. Типичная шведская зависть.

Она прошла прямо в спальню, открыла шкаф и увидела, что пакет лежит на том же месте. Она не знала, почему, но с тех пор, как Вальдемар Литнер перед выходными отказался продолжать с ней профессиональное общение, у нее сохранялось неприятное ощущение от всего, с ним связанного. По большей части ей удавалось успокаивать себя тем, что он – справедливо – чувствовал, что это ни к чему не ведет. Однако временами у нее возникала мысль, что ее раскрыли, что Вальдемар или кто-то из его криминальных дружков вломился в ее старую квартиру, чтобы посмотреть, кто она на самом деле такая, и не знает ли она чего-нибудь об их темных делишках. Но никаких признаков постороннего присутствия в квартире не имелось, и если бы кто-то тут побывал, то едва ли оставил бы компрометирующий материал лежать в шкафу. Ее осенило, что она совершила глупость, не сняв с документов копии. Правда, теперь это не имело значения. Завтра она отнесет пакет в полицию и предоставит справедливости свершиться.

Она опять закрыла шкаф и пошла поливать цветы. Час был поздний, но она не позвонила Себастиану, чтобы сказать, что задерживается. Она немного поразмышляла, не остаться ли в старой квартире. Переночевать. Пусть поволнуется, поскучает без нее. Потомится. Но если она не придет домой, он не сможет попросить прощения. Тогда они не смогут прояснить то неприятное, что стояло между ними с утра. Поэтому теперь она стояла в лифте его дома и надеялась, что Себастиан еще не лег спать.

Первое, что она увидела, открыв дверцу лифта, был чемодан. Ее черный чемодан на колесиках. Почему он стоит на лестнице? А рядом с ним пластиковый пакет. Она подошла и заглянула в пакет. Ее вещи. Он выставил ее вещи на лестницу? Это уже действительно выходит за всякие рамки! Она достала из кармана ключ.

Странно, он вроде не подходит.

Она посмотрела на связку ключей: да, ключ тот. Попробовала снова – с тем же результатом. Ключ даже не входил в замок.

Лампа на лестнице погасла. Эллинор подошла к маленькой светящейся оранжевым кнопке и опять зажгла свет. Затем вернулась к двери и позвонила. Никто не открыл. Она снова позвонила, на этот раз дольше. Сердито. Из квартиры не доносилось ни звука. Эллинор наклонилась и открыла щель для почты. Внутри полная тишина. Она вновь позвонила, практически навалилась прижалась спиной всем телом на кнопку звонка. Никто не открыл.

Теперь уже она рассердилась всерьез. Она не позволит ему так с собой обращаться! Она готова вытерпеть многое, поскольку любит его, но всему есть предел, и сейчас он его перешел с лихвой. Она достала мобильный телефон и докрутила в контактах до строчки «Любимый». Позвонила. Снова открыла щель для почты, слушая, как гудки идут ей прямо в ухо. За дверью квартиры звонков слышно не было. Эллинор нажала кнопку сброса и тяжело задышала. Что же ей делать? Где Себастиан и почему она не может попасть внутрь? Она бросила взгляд на свои вещи и увидела белый конверт, прикрепленный к боку чемодана. Выхватив конверт, она вскрыла его резкими движениями.

Лампа опять погасла.

Эллинор снова зажгла свет, достала из конверта единственный имевшийся там лист бумаги и развернула его.

Я говорил всерьез. Ты должна выехать. Замки сменены. Меня нет дома и некоторое время не будет, так что стоять и звонить нет смысла. На твои телефонные звонки я отвечать не буду. Тебе вообще не следовало сюда переезжать. Я виноват и прошу прощения.

Себастиан

Эллинор перечитала короткий текст. Еще раз. Затем скомкала бумагу и отбросила. Перед глазами у нее заплясали маленькие черные точки. Она закричала как раненый зверь. По лестнице прокатилось эхо. Потом она успокоилась. Глубоко задышала, вновь обрела контроль.

Как много всего сразу. Гнев, шок, страх. Необходимо попытаться мыслить трезво.

Он не может ее вышвырнуть.

Он не смеет ее вышвыривать.

Он ее не вышвырнул.

Она опять вынула связку и попробовала ключ еще раз. Не входит. Но должен войти. Она же здесь живет! Она снова попробовала. Нажала посильнее. Тот же результат. Она принялась колотить ключом по замку. Свет опять погас, но она этого почти не заметила.

Ей надо внутрь. Ей надо домой!

Ключ соскользнул в сторону, и она почувствовала, что оцарапала большой палец о металл на двери. Связка упала на пол, и она присела на корточки, чтобы ее отыскать. Шарила руками по каменному полу, но ничего не находила. Встала на колени и принялась водить по полу размашистыми движениями. Наконец наткнулась на ключи, отчего они отлетели к соседской двери. У нее не было сил подняться и двинуться следом. Не было сил ни на что. Она вся сжалась и заплакала.

Она не знала, сколько времени просидела в темноте, рыдая, но вот наступил конец. Именно так это и ощущалось. Будто наступил конец. Она выплакалась. От сидения здесь лучше не станет. Эллинор сосредоточенно встала и вытерла мокрые щеки тыльной стороной ладони. Хлюпая носом, пошла и снова включила свет. Наклонилась, подняла ключи, сунула их в карман, вернулась обратно и взяла чемодан в одну руку, а пакет в другую. Назад на Вестманнагата и попытаться в этом разобраться. Ведь ничего, по сути дела, не изменилось, уговаривала она себя. Это что-то временное. Кризис. Но с кризисом они разберутся. Нет никакой причины для паники или необдуманных поступков. У нее есть план. Она будет его придерживать.

Сначала займется Вальдемаром Литнером.

Потом Себастианом.

Солнце.

Яркое солнце.

Он обнажен до пояса и обливается потом. Воздух влажный. Липкий. Из-за жары и влажности больше всего хочется сидеть в тени с книжкой. Жара отняла у него все силы. А у нее нет. Сидя у него на плечах и призывая идти быстрее, она являет собой просто сгусток энергии. Ей хочется к воде. К прохладе и играм. Когда он споткнулся, она засмеялась и крепче прижала мягкие ладошки к его покрытым щетиной щекам.

– Папа, я тоже хочу такого.

Он посмотрел туда, куда она показывала. Какая-то девочка играла с надувным дельфином.

Вот они и у моря. Едва спустив ее на землю, он почувствовал, как солнце обжигает плечи. Почти одновременно две мысли:

Сегодня мало воды.

Он забыл козырек от солнца.

Они бегут в воду. Брызги. Смех. Крики с берега.

Шум.

Стена воды. Он видит, как она надвигается. Бежит к дочери. Ловит ее. Держит. Ее ручка в его большой руке. Ему кажется, что под пальцами он чувствует колечко с бабочкой, которое она получила в подарок. Только не выпускать. Ни за что. Все силы, все его сознание – сконцентрированы. Вся его жизнь в правой руке.

Но вдруг дочка исчезла. Рука внезапно опустела. Он ее не удержал.

Себастиан проснулся в коконе из толстого пухового одеяла. Потный. Разгоряченный. Запыхавшийся. Судорога в правой руке распространяется к локтю. Бесконтрольно замахав руками, он высвободился из одеяла и сел. Испытывая боль, он разогнул пальцы правой руки. На ладони кровь.

Сон.

Проклятый сон.

Такой живой.

Богатый деталями. Как фильм. Более того, он ощущал запах. Как в действительности. Весь ход событий.

Ход событий.

Не отдельные фрагменты, из которых, бывало, состоял сон. Тогда Себастиан просыпался с управляемым страхом, с навязчивым остатком впечатлений, воспоминаний и фантазий, зная, что скоро тот исчезнет. Сейчас же он словно бы пережил все заново. С такой силой сон не удалялся по нему уже много лет. Себастиан сидел как парализованный. Сердце бешено колотилось. Пот тек по лбу. Он плакал беззвучно, неутешно.

Всеми виной дети. Дети в этой проклятой могиле. Ему нельзя заниматься мертвыми детьми. Он больше с этим не справляется. Они сразу вызвали мысль о Сабине. Угодили прямо в эпицентр боли и вины, которые он все эти годы пытался загнать в капсулу, но которые всегда немного просачивались и отравляли его. Сейчас капсула взорвалась. Распахнулась. Оставила его психически разбитым. Во всем теле такие же ощущения, как тогда. Потом. Когда он очнулся посреди катастрофы. Один.

В конце концов он поднялся. Встал на ноги. Отметил, к своему удивлению, что ноги его все-таки держат. Как и тогда.

Он доковылял до стула, где лежала одежда, и натянул через голову футболку. Больше все равно не заснуть. Который час? Двадцать минут пятого. Проспал чуть более четырех часов. Когда удастся еще поспать? Его уже сейчас пугала мысль о необходимости снова ложиться, хотя это должно было произойти больше чем через двадцать часов. Ему ни за что не хотелось провести еще одну ночь в этой постели. Не хотелось находиться в этой комнате.

Себастиан открыл дверь и вышел в коридор. В гостинице стояла тишина. За дверью оказалось холоднее, и он задумался, не стоит ли вернуться и надеть брюки, но решил не возвращаться. Босиком он прошел по коридору мимо рецепции в ресторан. Подошел к холодильнику и взял с верхней полки банку колы.

– А платить ты собираешься?

Себастиан вздрогнул и чуть не выронил из руки банку. Он поспешно развернулся. В конце зала у окна сидела Урсула. Перед ней на столе стояли две пивные бутылки. Одна пустая, вторая наполовину полная.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Себастиан, направляясь к ней.

– Я не смогла заснуть. А ты?

– Мне приснился...

– Кошмарный сон?

– Да.

Себастиан выдвинул стул по другую сторону стола и сел. Открыл банку колы и выпил глоток. Урсула смотрела на него вопросительно.

– Такой жуткий, что тебе пришлось встать?

– Да.

– О чем он был?

– Почему тебе не спится?

– Я первая спросила.

– Почему тебе не спится? – повторил Себастиан в точности тем же тоном.

Поднося бутылку пива ко рту, Урсула встретила с ним взглядом. Ночные разговоры за кухонным столом. Несколько таких разговоров им вести доводилось. Довольно приятных, насколько ей помнилось. Может, надо выплеснуть все из себя? «Открыть кому-нибудь душу», как это обычно называют. Себастиан – это кто-нибудь. Он ее знает, но не слишком близко. Теперь. Кроме того, он может быть объективен и сохранять желательную дистанцию. Не впадать в сентиментальные утешения и не пытаться жизнерадостно подбадривать. Пожалуй, подойдет. При одном условии.

– Только не смей никому рассказывать.

– Вообще-то умение хранить тайны – одна из немногих моих сильных сторон.

Урсула кивнула. Безусловно, он не кривил душой. В то время, когда они состояли в близких отношениях, он спал с ее сестрой. С сестрой и бог знает со сколькими еще женщинами. А Урсула не имела об этом ни малейшего понятия. Эдвард Хинде вынудил их обоих вернуться мыслями к тому времени. Урсула, к своему удивлению, обнаружила, что злоба, которую она в течение многих лет питала, почти исчезла, заменившись чувством, больше всего напоминавшим печаль. Того мужчины, который предал ее, больше не существовало. Вернувшийся к ним Себастиан был кем-то другим. По-прежнему блистательный, эгоистичный, раздражающий, самоуверенный и невозможный во всех отношениях, он, казалось, был вынужден прилагать чуть больше усилий ради того, что раньше давалось ему без всякого труда. Когда она смотрела на него, стоящего возле холодильника, пока он еще не знал, что за ним наблюдают, босой, в боксерских трусах и футболке, он выглядел одиноким. Именно это слово первым пришло ей в голову.

Одинокий.

Огорченный или, во всяком случае, печальный.

Почему, она не знала. Дело Хинде и личные привязки Себастиана к жертвам сильно на него повлияли, но прежний Себастиан довольно просто поднялся бы и пошел дальше. А этот нет. Теперь. Почему, она не знала. Он действительно сказал правду. Хранить тайны Себастиан умеет хорошо. По крайней мере, собственные. Она надеялась, что так он поступит и с чужими тайнами. С ее тайной.

– От меня ушел Микке.

Себастиан не удивился. Он догадывался, что это как-то связано с семьей, но думал, что речь идет о Бэлле. Никак не предполагал, что отношения с Микке могут повлиять на Урсулу так сильно. Микке иногда выпивал и слишком много работал над тем, что никогда не интересовало Урсулу. Если Себастиан правильно понимал ситуацию, кроме дочери, у них больше не имелось почти ничего общего. И, по его мнению, никогда не существовало. Их брак был для него загадкой.

– Неужели тебя это действительно огорчает?

Урсула посмотрела на него. Она толком не знала, что ожидала от него услышать, но не это.

– Муж бросил меня после двадцати пяти лет ради другой женщины. Да, это довольно не просто...

– Я не думал, что ты его любишь, – произнес Себастиан, откидываясь на спинку стула с колой в руке.

Урсула поняла, что к объективности и желанной дистанции можно добавить «жестокую откровенность».

– Я не хочу быть брошенной, – честно призналась она, в виде исключения оставив его реплику без комментариев.

– Потому что ты предпочитаешь сама его бросить? – Себастиан вглядывался в нее в полумраке. – Проблема не в том, что вы расходитесь, а в том, что он бросил тебя. Тебе бы хотелось решать самой?

– Знаешь, забудь об этом, – вздохнула Урсула и положила ладони на стол, показывая, что разговор окончен. Она собирается идти спать. Себастиан наклонился вперед и накрыл ее руку своей.

– Я не собирался иронизировать. Я вижу, что тебе тяжело, только не совсем понимаю, почему. Ты двадцать лет изменяла ему.

– Двадцать лет назад, – поправила его Урсула.

– Значит, то, что ты трахаешься с Торкелем, не считается?

Урсула остолбенела. Откуда ему известно? Или он просто догадался? Она посмотрела ему в глаза.

– Да, я знаю, и нет, он ничего не говорил, – сказал Себастиан. – По вам это видно.

Из нее словно выпустили воздух, и она опять опустилась на стул. Он сказал правду. Не о Торкеле, – хотя это, конечно, тоже правда, – а о Микке. Он не был большой любовью ее жизни, как и никто другой. Когда-то Себастиан мог бы претендовать на эту роль, но сейчас она всерьез думала, что неспособна любить, по крайней мере так, как ожидают другие люди. Микке долго продержался. Торкель готов был попробовать, она знала. Принять ее такой, какая она есть. Целиком и полностью на ее условиях. Проблема заключалась в том, что он ей не нужен. Ей хотелось только одного. После развода это сделалось для нее особенно важным, и именно этого, она была почти уверена, ей получить не удастся.

Любви дочери.

Она снова посмотрела на Себастиана. Он молча выжидал.

– Ты прав, – тихо произнесла Урсула. – По правде говоря, дело не в Микке. В Бэлле.

– А что с ней?

– Она всегда была папиной дочкой. Но пока мы были вместе, мне все-таки тоже немного перепало.

Себастиан увидел в приглушенном освещении, как ее глаза немного заблестели. Что-то изменилось.

Если не верить, что все заранее предрешиено и твои поступки не имеют значения, то перемена всегда заставляет человека копаться в себе. Как я до этого дошел? Что я мог сделать иначе? Что происходит? Что мне теперь делать? Перемена вынуждает тебя к некоторому самопознанию, и этот взгляд внутрь не всегда оказывается лестным и безболезненным.

– Как ты думаешь, как часто она будет приезжать ко мне домой, когда там не будет Микке?

Себастиан молчал, чувствуя, как разговор подходит неприятно близко. Дочь на расстоянии. Мечта о сопричастности. Боязнь ее не добиться.

– Никогда, – ответила Урсула на собственный вопрос и покачала головой при мысли о предполагаемом сценарии. – Она будет звонить на Рождество и мой день рождения, но про последний постепенно забудет.

– Почему ты так думаешь?

– Мы, собственно, не знаем друг друга, – сказала Урсула несентиментально и так быстро, что Себастиан понял, что она посвятила довольно много времени анализу отношений с дочерью. – Я держала определенную дистанцию. Я со всеми ее держу. Отдаю лишь маленькие части души. С детьми так поступать нельзя. Им ты нужен целиком. Все время.

– Ты сказала ей это?

– Слишком поздно. Она уже взрослая.

– Я так не думаю, – произнес Себастиан со смесью убежденности и надежды в голосе. – Я искренне надеюсь, что еще не поздно. – Он увидел, как она среагировала на необычно заинтересованный тон. – Для тебя, – добавил он на всякий случай.

– Спасибо.

Себастиан кивнул. Они посидели молча. Себастиану было больше нечего добавить, а Урсуле явно было больше нечем поделиться. Она опустошила вторую бутылку пива, отодвинула ее в сторону и положила руки на стол.

– Ну, а ты?

– А что со мной? – поинтересовался Себастиан.

– Что тебе приснилось?

Себастиан взял банку и принялся пить колу, быстро перебирая в голове варианты. Каково его положение в команде? Ванья относится к нему нормально, Билли, несмотря на недавний маленький спектакль, тоже. Торкель – это Торкель. Урсула – по-прежнему человек, которого, возможно, потребуются завоевывать. Правда, она предпочла открыться. Ему. Не кому-нибудь другому в команде, с кем она, вероятно, должна бы находиться в более близких отношениях. Ему. Человеку, который ее когда-то обидел. Человеку, который просил у нее прощения, но не получил. И наверное, не сможет получить. Ни за что. Учитывая их совместную историю, немного откровенности с его стороны, пожалуй, не повредит.

Тем не менее что-то мешало. Не было желания. Просто не хотелось, и все.

Тогда остается ложь. Тоже не вариант – сейчас.

– Поговорим об этом в другой раз, – сказал он, непринужденно пожав плечами, в надежде, что ей такого ответа хватит.

Ей хватило.

Как только рассвело, Себастиан пошел прогуляться. Ориентировался он не слишком хорошо, поэтому решил идти вдоль стремнины, или реки, или как они ее там называли. Дождь временно прекратился, но туман над влажной почвой остался, и облака висели кучно и низко. В те немногие разы, когда Себастиан поднимал взгляд, обзор ему почти полностью закрывали узловатые, перекошенные деревья. Тропинка представляла собой просто глиняную кашу посреди корней и неровностей, поэтому ему приходилось смотреть, куда он ставит ноги, чтобы не поскользнуться.

Они с Урсулой просидели еще несколько минут в пустом ресторане, а затем вернулись к себе в номера. Она напомнила ему, что он пообещал молчать, он сказал, что помнит, и повторил обещание.

У себя в комнате он уселся за маленький складной столик возле окна. Включил мобильный телефон. Восемь сообщений, все от Эллинор. В нескольких она рассуждала, кое-где кричала и чуть ли не угрожала, где-то просила прощения и обещала все забыть, если только он позвонит. В последнем она спокойным голосом объясняла, что все понимает, и обещала обо всем позаботиться. Себастиан опять выключил телефон. Возможно, он решил эту проблему не самым лучшим образом, но в таком случае пусть она подождет до его возвращения в Стокгольм. Сейчас требовалось подумать над другими, более важными вещами.

Поэтому он сидел в номере в полном одиночестве на довольно неудобном деревянном стуле и пытался выработать план.

Прийти к решению.

Не получилось. Мыслям не удавалось задержаться в голове. Сон, словно пеленой, покрывал сознание. Воспоминание принимало почти физическую форму. Раз за разом он ловил себя на том, что крепко сжимает правую руку. Он встал. Принялся расхаживать по комнате, но чем дольше ходил, тем более взвинченным становился. Ему требовалось выйти на улицу. Развешаться.

Движение, свежий воздух, природа, одиночество без ощущения замкнутого пространства, возможно, помогут ему сосредоточиться.

И теперь он шел вдоль бурлящего потока. Взгляд устремлен на горный склон. Тропинка резко повернула влево. Впереди виднелось что-то вроде металлического висячего моста с двой-

ными деревянными досками. По обеим сторонам – перила из стальных тросов. Себастиан вышел на мост и остановился посередине.

Птица, названия которой он не знал, скакала по воде и берегу в том месте, где вода, врезаясь в его край, успокаивалась, почти совсем затихала. Наблюдая за резкими, будто нервными движениями птицы, Себастиан дал волю мыслям.

От сна к разговору с Урсулой и к Ванье. Всегда к Ванье.

Это взаимосвязано.

Она покинет его. Да, он сможет ее навещать. Но сколько раз, чтобы это не показалось странным? Один? Два? Они смогут звонить друг другу, обмениваться мейлами, в крайнем случае он может обзавестись этим скайпом. Но все это вспомогательные средства для поддержания уже имеющихся отношений. Не для создания новых. Было бы просто странно общаться с ней через экран компьютера, если они почти не разговаривают в реальной жизни. Лет через пять это, пожалуй, смогло бы подойти. Когда они стали бы друзьями. Когда он стал бы человеком, чье общество она будет ценить. По-настоящему, за его личные качества, а не потому, что он спас ей жизнь.

В данный момент это не так.

Пока.

Вот сейчас у него есть шанс. Сейчас он может сблизиться с ней и создать нечто прочное и жизнеспособное. Но только если она будет здесь. Рядом с ним.

Птичка явно закончила свои дела на воде, поскольку она низко пролетела между нависающими над берегом деревьями и скрылась. Себастиан выпрямился.

Вообще-то ответ лежит на поверхности.

Все довольно просто.

Разумеется, это неправильно. Эгоистично, он знает. В том, что он собирается сделать, нет ничего от отцовской заботы. Но другого выхода все равно нет.

Себастиан пошел обратно. Спустившись с моста, он решил, что будет действовать.

Как именно, он не знал, но он позаботится, чтобы Ванья не уехала.

Позаботится, чтобы она осталась в Стокгольме.

Осталась с ним.

Утренняя прогулка оказывала освежающее воздействие. Мост Барнхусбрун, улица Шее-легатан, мимо здания суда и налево на Хантверкаргатан. Эллинор шла быстрым шагом, крепко сжимая в левой руке пакет. Она шла не только для того, чтобы вершить правосудие, но и чтобы спасти свои отношения с Себастианом.

После бессонной ночи она чувствовала себя на удивление бодрой. Вчера, когда она так поздно вернулась к себе в квартиру, все казалось совершенно безнадежным. Она звонила Себастиану. Несколько раз. Слышала только короткое сообщение на автоответчике. Каждый раз что-нибудь наговаривала, что именно, она толком не помнила, ее переполняли мысли и эмоции. Под конец она очутилась на диване в гостиной, совершенно обессиленная. Как долго она там просидела, она не знала.

Поздно ночью или, скорее, уже рано утром к ней пришло понимание, как обстоит дело. Как все взаимосвязано.

Почему она не подумала об этом раньше? Она ведь знает своего Себастиана. Его девиз: сильный в одиночку. Ему трудно выражать чувства, трудно рассказывать, чего он на самом деле хочет.

Он слишком упрям, чтобы просить о помощи.

Слишком горд, чтобы казаться нуждающимся.

Слишком заботится о ней, чтобы вваливать на нее свои неприятности и проблемы.

Вспомнить хотя бы, как он заставил ее переехать к нему. Как он пришел к ней домой с историей о серийном убийце, который, возможно, охотился за ней, из-за чего ей необходимо было покинуть квартиру. Вместо того чтобы просто сказать, как есть, – что он хочет ее. Теперь то же самое. На этот раз за его действиями, естественно, тоже кроется нечто иное. Чем дольше она размышляла, тем больше убеждалась в своей правоте.

Когда она догадалась о главном, остальное было довольно просто. Очевидно.

Какая у него может быть причина бросить ее?

Он боится, что она попадет в беду.

Ему кто-то угрожает.

Тогда совершенно естественно, что он не хочет, чтобы она находилась рядом с ним. Она видела такое по телевизору. Как подвергавшийся давлению полицейский, или прокурор, или кто-то там еще отсылал своих родных и близких, чтобы не подвергать их опасности. Поэтому-то он и уехал. Ушел в подполье. Не отвечает на звонки. Ради ее безопасности он готов пожертвовать их любовью.

Но кто угрожает Себастиану?

Естественно предположить, что Вальдемар Литнер.

В любом случае надо начать отсюда и посмотреть, изменится ли ситуация с его отсутствием. Если нет, придется заставить Себастиана открыться ей, заставить его понять, что они должны делить в этой жизни не только радости, но и неприятности. Что они справятся со всем, если только будут вместе и откровенны друг с другом.

Она снова позвонила Себастиану и спокойным, убедительным голосом объяснила, что все понимает, но что она обо всем позаботится.

Ровно в восемь часов она стояла на Хантверкаргатан перед Управлением по борьбе с экономическими преступлениями. Эллинор плохо разбиралась в архитектуре, но шестизэтажная постройка на острове Кунгсхольмен напомнила ей о семидесятых. Здание казалось полосатым из-за того, что окна на каждом этаже завершались расположенными на одном уровне черными пластинами. Идеально ровную поверхность нарушал только флаг, рекламировавший какую-то фирму, находящуюся в этом огромном здании. Напротив за кованой решеткой располагался маленький парк, а в конце улицы возвышалась Ратуша. Солнце светило с раннего утра, и казалось, что после ночного дождя будет хороший осенний день. Эллинор повернула возле обнаженной бронзовой дамы, открыла дверь, посмотрела на доску в фойе и поднялась на лифте на нужный этаж.

– Чем же я могу вам помочь? – спросил забравший Эллинор из рецепции молодой человек, указывая ей на стул по другую сторону письменного стола.

– Ну, как я уже говорила в рецепции, я хочу подать заявление о преступнике.

– Совершившем экономическое преступление?

– Да, экономическое преступление. – Она повторила эти слова с некоторым ударением. Уже произносить их казалось увлекательным. Находиться здесь было увлекательно. Увлекательно и необходимо.

– Хорошо... – Молодой человек повернулся к компьютеру, открыл какой-то бланк и положил руки на клавиши. – На кого вы хотите подать заявление и за что?

– У меня все здесь.

Эллинор положила на стол плотно набитый пластиковый пакет. Полицейский посмотрел на него с некоторым недоверием.

– Что это такое?

– Расследование. Доказательства. Все, что вам требуется.

Взгляд мужчины по другую сторону стола говорил, что он думает как раз противоположное. Он взялся за ручку пакета, взглянул на кипы бумаг и не смог сдержать вздоха. Эллинор поняла, что пора прибавить словам немного веса.

– Все в порядке, я это не придумала. Расследование проводил полицейский. Молодой человек оторвался от пакета и посмотрел на нее с любопытством.

– Полицейский?

– Да.

– Кто?

– Его зовут Тролле Херманссон. Или звали. Он умер.

Услышав эти сведения, молодой человек за письменным столом вежливо кивнул. Он явно никогда не слышал о полицейском с таким именем.

– Что же будет дальше? – поинтересовалась Эллинор.

– Мы посмотрим на все это, – мужчина указал на пакет, – и решим, будем ли мы проводить расследование.

– Это и есть расследование, – перебила его Эллинор. – Тут имеется все, что вам надо.

– Если мы станем проводить расследование, – продолжил мужчина, не обращая внимания на ее слова, – то проведем его относительно быстро. Если речь идет о менее серьезных экономических преступлениях, то мы стараемся заканчивать дело в течение пятидесяти дней.

– Я не знаю, насколько это серьезно.

– Поэтому мы должны посмотреть.

Эллинор не уходила. Не забыла ли она чего-нибудь? Она выполнила то, зачем пришла. Пятьдесят дней – это, конечно, очень долго, но у них, наверное, много дел. Она встала. Мужчина тоже поднялся и протянул руку. Эллинор пожалала ее, но засомневалась. Возможно, ей все-таки удастся добиться, чтобы ее дело рассмотрели в числе первых.

– Чем скорее вы сможете засадить этого мужчину, тем лучше. Я думаю, он угрожает моему гражданскому мужу.

– Вы так думаете?

– Да.

– Ваш гражданский муж заявлял о какой-нибудь угрозе?

– Нет, но он выставил меня из дома, чтобы защитить.

Эллинор увидела, как мужчина слегка кивнул как будто недоверчиво. Но проблема ему, естественно, знакома. Он же полицейский. Она читала, что угрозы свидетелям являются в обществе возрастающей проблемой.

– Мы посмотрим, что сможем сделать...

– Хорошо, но чем скорее вы возьмете этого Вальдемара Литнера, тем лучше.

Эллинор развернулась и пошла.

Петер Горнак смотрел ей вслед.

Все произошло быстро. Звонок из рецепции, приветствие и знакомство. Как обычно. Однако затем обычное заявление от обычной на вид женщины вылилось в «расследование» в пластиковом пакете и дальше – в умерших полицейских и угрозы бывшим гражданским мужьям. Как только пластиковый пакет очутился у него на письменном столе, Петер инстинктивно почувствовал, что это будет пустой тратой времени. Он добросовестно пролистает несколько из полученных бумаг, чтобы потом быстро закрыть дело. Он был совершенно уверен. До тех самых пор, пока она не назвала имя.

Вальдемар Литнер.

Петер учился в Полицейской школе вместе с Ваньей Литнер. На втором курсе у них даже был короткий роман. Через несколько месяцев она поставила в их отношениях точку. Никаких скандалов. Никаких проблем. Они продолжали учиться вместе. Как друзья. Коллегами не стали: после школы они пошли разными путями. Он знал, что она работает в Госкомиссии по расследованию убийств, но они уже несколько лет не виделись. Но ведь ее отца зовут Вальдемар? Да, Петеру помнилось, что так и есть. Разве Литнеров может быть особенно много?

Неужели это заявление против отца Ваньи? Тогда еще больше оснований покончить с этим побыстрее.

Петер подтянул к себе пакет, вытащил оттуда бумаги и папки и разложил все перед собой на столе. Открыл верхнюю папку и содрогнулся.

Копия полицейского расследования.

Из Управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Петер закрыл папку и повернулся к компьютеру. Он ввел имя, и незамедлительно появился результат. Проводилось предварительное следствие в 2008 году. Прокурор решил не давать делу ход ввиду нехватки доказательств. Петер вернулся к полученному материалу. Полицейское расследование составляло чуть больше половины материалов. Все остальное представляло собой свежие сведения. Новые доказательства.

Отложив верхнюю папку, он взял новые материалы, откинулся на спинку кресла и начал читать.

Буквально через минуту он наткнулся на «Дактеа Инвест» – название, знакомое всем его коллегам и заставившее его незамедлительно отправиться к своему непосредственному начальнику.

Ингрид Эрикссон хорошо помнила Вальдемара Литнера.

Даже очень хорошо. Не самый крупный экономический преступник, которого им не удалось засадить за решетку, но и не самый мелкий. Несколько компаний, опустошенных прямо перед банкротством, переведенные в Панаму доходы, стрелочник, принявший на себя удары в Швеции и счет в Латинской Америке, про который оказалось невозможным узнать, ни кто его подписал, ни куда делись попавшие на него деньги. Речь шла о паре миллионов. Летний дом, квартира для дочери, новая машина. Тратить деньги Вальдемар не боялся, явно пребывая в полной уверенности, что до него ничего проследить нельзя. И был прав. Ингрид пыталась изо всех сил. Будучи начальником отдела, она отвечала за предварительное следствие, с которым теперь пришел Петер Горнак и которое опять оказалось перед ней. Петер сказал, что получил его от какой-то женщины вместе с большим количеством нового материала. Самое интересное было связано с запутанным делом компании «Дактеа».

Если Литнер в нем замешан, значит, он, несомненно, является одним из крупнейших экономических преступников, которых им не удалось засадить за решетку – до сих пор. Если материал, который Ингрид держит в руках, окажется достоверным, на этот раз Литнера осудят.

«Дактеа Инвест» была крупной мошеннической компанией, построенной по «схеме Понци»⁸. На вид она представляла собой надежный финансовый продукт, но по сути являлась финансовой пирамидой, и когда мыльный пузырь лопнул, ответственные лица бесследно исчезли. Тысячи мелких вкладчиков и инвесторов лишились всего. Управление по борьбе с экономическими преступлениями бросило большие ресурсы на поиски ответственных лиц, но те очень ловко скрывали свою идентичность через сложную сеть перекрестного владения, при помощи анонимных фондов и холдинговых компаний в таких райских для ухода от налогов местах, как Каймановы острова и Панама. Ингрид не сомневалась в том, что Литнер играл далеко не главную роль – это было для него слишком крупно, – но он участвовал в создании частей конструкции и воспользовался частью денег. Это отчетливо следовало из нового материала. Для нее этого было достаточно.

Сказать, что ее лично сильно задело, когда им в прошлый раз пришлось закрыть расследование, было бы преувеличением, но все-таки мысль о возможности поймать такого человека, как Вальдемар Литнер, в виновности которого она была убеждена, вызывала у нее известное

⁸ Чарльз Понци (1882–1949) – американец итальянского происхождения, организовавший в 20-х годах крупную финансовую пирамиду.

удовлетворение. Поэтому она действовала быстро. В обычных случаях ее отдел начинал расследование в течение пятидесяти дней с того момента, как они получали информацию или каким-то иным образом узнавали о беспорядках. На этот же раз, если бы решала Ингрид, не потребовалось бы даже пяти часов.

Она позвонила в прокуратуру и поговорила со Стигом Венбергом, который занимался этим делом в прошлый раз. Объяснила, почему хочет снова открыть предварительное следствие, переслала по факсу новые сведения и всего через полчаса получила зеленый свет.

Ингрид была очень довольна. Она не просто улучшит процент раскрываемости в отделе, она привлечет СМИ, и это станет отчетливым сигналом для всех тех, кто, подобно Вальдемару Литнеру, думает, что ушел от ответственности, выпутался. Они узнают, что хоть они, возможно, и выиграли несколько, даже много лет, но Управление по борьбе с экономическими преступлениями может нанести им удар в любой момент. Чувствовать себя уверенно они больше не смогут.

Она вызвала к себе своих сотрудников. Работа Литнера, его бизнес, финансовое положение – ко всему этому необходимо снова вернуться и изучить, раз они теперь лучше знают, что следует искать.

У Вероники Стрём не было времени.

Действительно не было.

Ей требовалось сделать массу вещей перед предстоящим в феврале переездом в Найроби. Она не хотела сидеть в кафе, изображая, будто наслаждается чашкой кофе в ожидании Александра Сёдерлинга. Слегка раздраженными движениями она быстро перелистывала лежавший перед ней на столе журнал «М Магазин».

Какая-то журналистка из этого журнала уже несколько недель звонила и добивалась у нее интервью. Ведь у Вероники такая потрясающая карьера, и она кажется такой вдохновляющей женщиной, щебетала журналистка. Именно о таких, как она, их читатели хотят узнать побольше.

Немного подумав, Вероника предположила, что это правда. По окончании Стокгольмской школы экономики через банк и газеты она попала в Объединенную администрацию министерств в качестве редактора в пресс-бюро Министерства иностранных дел. Проработав там три года, она стала советником министра иностранных дел, а в 2002 году получила вновь образованную в Объединенной администрации министерств должность координатора по вопросам политики безопасности. Начиная с 2008 года она служила руководителем аппарата Министерства обороны. До настоящего момента, когда ей предстояло стать послом в Кении.

Когда Веронику попросили об интервью, она плохо представляла себе, что это за журнал, но посмотрела в Интернете. Репортажи, мода, красота, здоровье, путешествия, финансы и советы тем, кому за 50. Вероника не знала, не следовало ли ей немного обидеться. Ей в декабре исполнилось 49. Она поговорила с коллегами, и все сошлись на том, что в таком месте засветиться очень даже стоит. Вероника позвонила журналистке, и та, услышав согласие, буквально забулькала от неподдельной радости. Сказала, что это будет просто замечательно. Они договорились встретиться на следующей неделе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.